

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/5724408>

The Great Nothing

Направленность: Джен

Автор: [Darlak \(https://ficbook.net/authors/717904\)](https://ficbook.net/authors/717904)

Фэндом: Ориджиалы

Пейринг или персонажи: Эрнест

Рейтинг: R

Жанры: Ангст, Драма, Мистика, Психология, Повседневность, Даркфик, Дружба

Предупреждения: **Смерть основного персонажа, Насилие, Нецензурная лексика, Элементы гета, Элементы слэша**

Размер: планируется Драбл, написано 54 страницы

Кол-во частей: 26

Статус: в процессе

Описание:

Сборник драбблов о некоем Эрнесте, разбавляющем свою жизнь адреналином, смертью и страданиями.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Обезвоживание, нехватка сна, сумасшествие, наркотики - автор не пропагандирует, но тут что-то такое (а может всё вместе?) присутствует. Наслаждайтесь~

TOC

TOC	2
inside	3
Часть 2	6
Мама I coming home	9
Часть 4	11
Часть 5	13
I'm he	16
Часть 7	18
Приём гостей	19
Часть 9	22
Часть 10	23
Примечание к части	24
Happy birthday, motherfucker	25
Часть 12	28
Часть 13	30
I need you, my friend /1/	31
You are free	34
Часть 16	36
Unknown	40
Часть 18	42
Часть 19	44
Часть 20	47
Часть 21	49
Welcome to the new age	55
Часть 25	57
Часть 26	59
Часть 27	61
not today	62

inside

Треск пламени и гул пожара, отдалённые крики, вой. Сирен. На скалах среди бесконечного океана.

Кольцо. Золотое или огненное?

Тихий шелест сухой травы под ногами – и бесконечность, шорохи детишек во ржи. На краю обрыва. В поле.

Вдох-выдох.

Эрнеста передёргивает - сколько он тут? Часы церковным набатом над чумной деревней, чугунным колоколом внутри головы тикают уже бесконечность раз и не прекращают. Эрнесту плохо, Эрнесту страшно. Эрнест не спит третьи сутки. Не потому что не может, а потому что не хочется.

Шуршит на полу открытая книга – старая, пыльная, с неё пеплом сыплются страницы, опадают на эшафот мыслей, вдали. Вдали ничего нет. Ох уж эта зависимость что-то видеть...

Эрнест дёргает головой, будто кукла, сломавшая себе шею – резко, неестественно – и слушает. Часы шепчут невыносимую мелодию. Стереть. Не слушать. К чёрту.

Шум прибоя. За стенами. Или нет?

Светаёт. Или вечереет? Главное, всё залито розоватым оттенком, будто блевотина котёнка. И от неё действительно тошнит.

Вокруг Эрнеста ореол из серо-синего фильтра на старой киноплёнке. Ему не нужен свет – глазам больно, он и так не видит ничего впереди, только неясный силуэт себя. Он подходит, садится рядом на корточки. Эрнест подслеповато моргает, пытается снять плёнку осевшей на высохший зрачок пыли. Он же напротив лишь смотрит. В красные от нехватки сна глаза, в измождённое, сухое лицо и молча уходит. Видение? Ведь кто может придти?

Эрнест зажмуривается. По ту сторону пляшут птицы по крестам. Ночной погост. Рядом берёзы и ели. Кого?..

Ногам холодно, земля сырая, стылая. Среди ржи никого нет, он один, как и в этой запустелой комнате, потерянный. Никого нет. Вообще. В заброшенном доме живёт лишь ветер сквозь разбитые окна. Занавеска рваная, пытается взлететь, её крепко держат на месте, а призраки тешатся от жалких попыток. Такая себе круговерть жизни.

Эрнест замечает, что слеза на щеке ледяная и одна, как и он сам, что губы потрескались, но склеились изнутри липкой слюной; хочется рассмеяться, ударившись в истерику.

За окном – зима. Возможно осень. Не разобрать, ведь несколько дней назад был май.

Нетвёрдые, осторожные шаги в дверь. Закрыто. Мурашки по коже от шершавых стен. Он в коробке.

Стекло разбитое, а за ним – бельмо. Белым-бело. И слепит.

Поверхность зеркала гладкая, холодная, беспристрастная. Эрнест ведёт по ней рукой – как же он ненавидит зеркала... Отражение – немое. Лицо – комок мыслей. Рука путается в паутине трещин. Откуда они?

Осколки стекают по стене к красной нити – лента-ручей на грязном кафеле. Струится, как змея, течёт витиеватыми путями вниз, сквозь пол, куда-то к похороненным костям.

Неясность. Она же зависимость.

Пугает.

Эрнест пятится назад – он только что держал в руках Вечность. И потерял. Упустил. Разбил. Он тянется к груди –

тук-тук. Тук-тук.

Кто здесь?

С неба летят белые перья. Или обрывки бумаги? Когда-то там были стихи.

Эрнест замерзает где-то посреди пустыря клетки. Под пальцами, глубже рёбер что-то стучит – кажется, что пока он держит это «что-то», оно будет стучать. Мерно. Как часы.

Эрнест засыпает. Не можно. Иначе всё повторится. *Он не хочет снова терять себя*

Опять нечёткие шаги за дверью. Полубред, полусон. Запах горелой плоти. На костре. Его снова сжигают. Заживо. Это не больней, чем смотреть на красную ленту вдоль рук. Она течёт обратно, откуда-то из стылой земли, где похоронены сгнившие кости.

Тихий смех. Стен.

На смирительной рубашке клеймо. Ах, нет, клеймо на нём. И рубашка обычная. Наверно.

С пепельной головы слетает терновый венец – на коже пятна святой воды. Эрнест глотает воздух сродни рыбе на суше, не может им напиться, пока верёвка передавливает горло.

- Я вернулся.

Голос, такой знакомый, его собственный голос, проекция в реальный мир. Брат. Целая Вечность в руках. Вот только Эрнест больше не вернётся.

Наконец-то Эрнест спит.

Часть 2

Каким бы отморозком не был Эрнест, он всегда готов принять гостей. Неважно каких. Незваных встречал часто автоматной очередью или, когда настроение было поспокойней – отравой в чае. Единственные, избранные, несколько человек могли беспрепятственно жить в его доме. Если найдут его, конечно. Что дом, что хозяина.

Дом у Эрнеста был. Действительно был, а все остальные съёмные квартиры и комнаты являлись чем-то вроде перевалочного пункта – чтоб на улице под дождём не ночевать. Хотя и такое было.

Сам Эрнест просто постоянно перемещался, запутывая следы, сбивая с толку – в этом и состояла вся сложность – чтобы получить добро на «остаться у него», нужно было по малейшим зацепкам выйти на белобрысого хозяина. Это при том, что зацепки часто оказывались остывшим следом, а посему приходилось думать наперёд Эрнеста. Думать, как Эрнест. Что составляло пару главной проблеме – его мыслительный процесс являл собой что называется хаос, и только те самые несколько избранных людей могли наиболее точно предположить перемещения.

В принципе, этим избранным разрешалось без спросу вламываться в его логово, вот только в самых крайних случаях, а не если им просто лень искать что-то подходящее или тратить деньги.

Сегодня у Эрнеста «выходной». Тот самый день, когда он, спустя месяцы разъездов, наконец, переступает порог родного домишки.

Внутри темно, душно, застоялый воздух пахнет тяжёлой пылью и немного плесенью. Ещё бы, там целый сезон никто не появлялся, а постоянная сырость ельников, да и туманного леса в целом, сказалась на деревянной основе.

Эрнест скидывает на пол длинный плащ, переступает хлам на дороге и плюхается в огромное продавлено кресло, боком к коридору и лицом в окно с видом на густые деревья. Ближайшее время он будет потерян для всего мира – ему нужно побыть со своим миром наедине. Всегда так старательно скрываться, чтоб потом исчезнуть в своём доме, растворится в нём, стать его частью.

Но кто-то внезапно стучит в дверь.

Эрнест думает, что, наверное, с порога убьёт незваного гостя, но им оказались трое: Некромант, а с ним брат с сестрой. Девчонка выглядит помятой на фоне второго – тот как минимум должен был пережить конец света с таким видом. Все трое молча ждут вердикта.

- Мой дом всегда открыт для вас, - сокрушённо говорит Эрнест и пропускает их внутрь.

Оба бродяги просто заваливаются на диван и засыпают мёртвым грузом. Хозяин дома интересуется, откуда они такие красивые, на что был ответ:

- Твои тихие друзьяшки не так уж просты и не настолько тихие.

Дальнейшие сутки они провели вчетвером. Впрочем, пока эти двое не проснулись, Эрнесту было нормально, хотя, в принципе, они не шумные и перед глазами не мельтешат, а поэтому с присутствием посторонних в доме можно было и потерпеть. Но оно раздражало, не отнять.

Первой проснулась девка. Она выкарабкалась из кокона одеял, скинула всё на брата и, поблагодарив, исчезла на пол дня. К тому времени проснулся Харальд, будто восстав из могилы.

- Самообслуживание, - сообщил Эрнест, всё также сидя в кресле. – Кухня направо.

- А где эта? – мужчина показал приблизительный рост сестры.

- Свалила ещё утром. В лесу волки, если что. И змеи.

- Змея змею не тронет.

Как-то так и завязался неспешный разговор.

Будучи всё-таки экстравертом, Эрнест быстро забыл об усталости, в то время как унылый Харальд всё больше и больше чах под словесным потоком. Хозяин дома так увлёкся, что речь превратилась в неудобоваримую мозгами кашу, из-за чего распсиховался, что его опять не понимают.

- Так, стоп, - перебил его порядком заколупавшийся Харальд. – Уложись в одно предложение.

- О, отличная идея, учитывая, что мысль, пытающуюся донестись до сознания, обработанную через призму моего взгляда на жизнь, переведённую в человеческую плоскость, найденную на задворках, а теперь всплывшую как одну из глобальных проблем современного мира, которая не может быть не замечена мной, но остаётся проигнорирована остальными, которую я пытаюсь объяснить другим, которые упираются, думая, что я несу хуйню, так как не могу оформить нормальным языком, из-за чего все считают меня конченным психом, что так, но не полностью, остаётся непонята даже тобой, потому что твой мозг устал и перестал переваривать информацию ещё тринадцать минут назад.

- В следующий раз ограничивай количество слов, - подсказал Некромант. – Хотя тоже не факт, что мозг не вскипит.

- Я понял, - коротко ответил Харальд и ушёл.

К вечеру вернулась младшая сестра. Все промолчали за принесённую в её руках дохлую птицу, особенно, когда она отдала её брату.

Следующим утром она снова исчезла, на этот раз приведя с собой кудрявую девушку, устало, но приветливо помахавшую равнодушному Эрнесту.

Через неделю жительство вместе, Эрнест не почувствовал тех самых необходимых ему расслабленности и отдыха, зато друзья неплохо повеселились, встряв в болото где-то посреди леса. Точней, потом было весело, а до этого нихрена. Но Эрнест благодарен, что пусть они и унылые рожи, всё-таки он их любит. И любил бы по-разному, просто ему не разрешают. А избранные – как боги, им только верить. Когда говорят, что у него нет ничего святого – врут, ведь родня богами и является.

Когда они ушли, хозяин дома даже пожелал им удачи, искренне пожелал, что бывает как Второе Пришествие.

Всё-таки друзья – единственное, что у него есть. Всё-таки у него есть семья. Всё-таки не всё в нём мертво.

Мама I coming home

Дверь открылась тихо, медленно, как в старых фильмах, хотя древние, не смазанные петли всё же немного скрипят, впуская вечернего гостя. Фигура покачнулась, помялась в дверях, но всё-таки переступила порог.

Человек не знал, что ему говорить, как себя вести, поэтому просто опускает на пол с плеча полупустую сумку. Эрнест замирает, вслушивается в плотную тишину, нарушаемую только тихим тиканьем часового механизма.

Настенные часы давно остановились. Точней, в них остановилось время вместе со стрелками, а механическая жизнь продолжала мерно отсчитывать что-то своё. Самоотверженная, самонадеянная попытка служить и дальше.

Эрнест переступает с ноги на ногу. Время около 00:00, а застывшие стрелки показывают вечный полдень. Пора просыпаться. Раньше с братом было охеренно: близнецы любили переодеваться друг в друга, вот только разноцветные глаза младшего Эрнеста сдавали его с потрохами. А потом, когда пробивало двенадцать часов, они как зачарованные всегда уходили в сад, пропадая там для всех. У них был свой мир, своё видение, своё измерение, как раздвоенная Алиса. Их звали, долго звали, искали, кричали. Потом перестали так делать – бессмысленно, когда дети уходят в свою, родную реальность.

Эрнеста уже много лет никто никуда не зовёт. Да и одежда на нём рваная, грязная, есть и такая, что одеждой назвать можно с трудом, её почти нет на тощем теле, но ему это без разницы. Пусть смотрят на сетку шрамов – к такому дикарю никто точно не подойдёт спросить о них.

Он сравним с пауком. Расчерчен паутиной кривых, отмечен жизнью, на нём несмываемое клеймо искателя, ведь он пробовал судьбу на вкус, вгрызлся, хоть и обломал зубы, теперь надел на клыки стальные коронки – крепче и острее своих.

Он не считал, как и сколько причинил другим зла – слишком большие числа – он с математикой не дружит, - зато прекрасно помнит, что приходилось платить взамен. И Эрнест с удовольствием принимал уроки судьбы: воевал в отряде террористов-повстанцев за правое дело, что отняло у него часть души – брата; каждое резкое движение отдаётся болью в костях, и это полбеды – едва не лишится глаза считается за несказанное везение. Он – отмороженный подонок и моральный урод, в его вере нет ничего святого; неформал, возомнивший, что может жить так, как вздумается, и, чёрт возьми, он жил! Где выживал, существовал, но в целом жил, ибо хотел жить, а не ждать милости небес.

И вот теперь он стоит на пороге отчего дома и не знает – идти дальше, мимо, уйти насовсем или извиниться за всё?

Эрнест посмотрел на часы – вечный полдень застыл стрелками между единицей и двойкой, а тишина завлакивала в плотный вакуум мыслей. Не тяжело возвращаться в прошлое, тяжелей в нём не остаться.

- Ну вот, мама... - совсем непривычно тихо говорит блудный сын куда-то в полумрак пыльного коридора, - я обещал, я вернулся.

Странное чувство, смесь целой кучи несовместимых эмоций. Дикое ощущение утраты и обретения; эдакий катарсис на ровном месте, несравнимое дежа-вю.

- Мама... Я опять уйду.

- Так зачем тревожишь раны? – возможно, он спрашивает сам себя, не разобрать.

- Чтобы сказать... я уйду.

Старая дверь почти бесшумно закрылась, щёлкнул замок, надолго запечатывая оборванный ход часов.

Часть 4

- Я слышу плач, постоянно. И голоса. Я схожу от этого с ума... - Эрнест даже не разбирает, кто его пьяного в соплю, тащит и куда. Но ему всё равно. Его задолбал шепот вокруг, и это то ли люди вокруг, то ли их мысли, без разницы, если все они одинаковые, изнывающие, больные, пышущие болячками в мир, плюются смертельным ядом. Эрнеста это не задевает, отнюдь, он просто это слышит и ему на-до-е-ло. – Вон там, - он указывает куда-то в многоэтажку дрожащим, длинным пальцем, - вон там плачет ребёнок. Пока не умолкнет навсегда. А вон там, - он резко махнул рукой, слыша шипящий мат в свой адрес – его спутник-опора теряет равновесие вместе с ним. – Творится беспредел. И всё это так приелось, что никто даже внимания не обращает. И знаешь, что самое отвратительное? Что мне плевать, но я это замечаю.

Его кидают в квартиру – Эрнест не разбирает, чью, - в туалет и закрывают, пока тот не выблюет всю ту выпитую дрянь. А тот смеётся после очередного спазма – он слышит крик на улице – какую-то девчущку пытаются изнасиловать и он жалеет, что это не он, а он сейчас обнимает белый трон, стоя на коленях. Отвратительно. От самого себя. Он такой весь правильный, когда отказался громить проезжающие машины и бить стёкла, сразу вырос и упал в глазах этой мелкой шпаны, хотя на деле ему просто не интересны такие вещи. Есть дела покруче. Например, вскрыть себе вены и гулять по улицам. Воспитанные прохожие – кто-то, да вызовет скорую. А ему забавно наблюдать за заученными действиями. Даже если они были искренни.

Эрнест не помнит абсолютно ничего кроме выворачивающих наизнанку судорог, рвоты уже кровью и дрожащих рук. А потом он очнулся в чьей-то кровати. Возможно, в своей, возможно в чужой. Один. И потолок какой-то всратый, с болтающейся такой же одинокой лампочкой без абажура.

Он долго втыкал в эту лампочку на длинном проводе, просто так, ведь мыслей нет, на ноле, вообще. Да и не хочется отчего-то вспоминать ночь. Или прошлые сутки? Эрнест не знает. Он вообще ничего не знает – собственно, сие озарение и вызвало такую реакцию вчера. Живя в этом мире и распорядясь им как умеет – а умеет он на отлично – он вдруг содрогнулся от осознания собственного подвешенного состояния относительно истинного положения дел. А вдруг он что-то упускает? Или не уловил в тоне того грузчика всех эмоций? А что если он и вправду правильный? Точнее, то, как поступает он более правильно, чем принято считать. И вообще, обоснуйте, мрази, чем Эрнест им так насолил, если он постоянно кого-то слышит? Не значит ли это доказательством его правильности?

Эрнест мотнул головой. Слишком быстро мысли набирают обороты с нуля.

- Пришёл в себя? – странный голос, знакомый.

Эрнест тупо смотрит на себя в дверном проёме.

- Ты вчерашний был невменяем как всегда, но хотя бы не дееспособный, - сообщает ему его же копия, присаживаясь на край кровати. – И нёс всякую дичь.

- Брат? – неуверенно спрашивает первый. Прищуривается.

- Нет, Венера Милосская. Видишь, рук нет?

Эрнест совсем не хочет знать, что вчера было, но ему рассказывают.

- Ты отрубился от переутомления, в придачу ещё и траванулся всем, что сожрал. Поэтому и вёл себя тихо. Тихонько себе помирал тут, только возиться пришлось мне.

- Ты слышишь, как с тобой люди разговаривают?

- Было дело.

- А я нет. Я слышу всю поебень, которую они совершают. И мне это не нравится. Что вчера произошло в той многоэтажке?

- Убили ребёнка, говорят, орал до последнего.

- Вот, - Эрнест посмотрел на свои руки с подсохшими кровавыми разводами. – Это отвратительно, когда ты слышишь, как из-под пальцев утекает жизнь. Буквально, неумолимо. И ты такой слышишь только плач и больше ничего.

Часть 5

Соседи Эрнеста не любили. Да и за что можно любить хитрожопого панка, когда что ни слово – оскорбление личное или выброшенное в сир – неважно – главное, что они сыпались постоянно, с чувством, отчего после первых попыток прочитать тому морали хотелось впредь обходить его десятой дорогой. Единственное, за что его терпели – его постоянное отсутствие дома. А ещё терпели потому, что ничего никто не мог сделать. Ни полиция, ни службы, ни жильцы. Большинство его боялись и ненавидели, а уж если у него заведомо плохое настроение – рассыпались по квартирам как от чумы.

Сам Эрнест специально поддерживал о себе такую славу – да и смысл ему общаться с зарытыми в свои проблемы людишками? Они слепы, они не поймут. Его идеи носят масштабный характер, в то время, как все остальные зациклены на каких-то своих мыслях, пусть и о Вселенной. И если раньше они подавали какую-то надежду, то стоит их спросить: «Ну и что же ты надумал?» - а он скажет: «Не знаю, чё-т как-то лень, всё равно не понять». И всё. И на этом всё заканчивалось.

Мысли Эрнеста не покидали никогда. Когда ему приходилось что-то решать – а решать он просто ненавидел – он всё время думал.

Поначалу было тяжело заставить себя искать причины и последствия, ходы и выходы из ситуаций, но постепенно он додумывался до того, что начинал мыслить наоборот. И тогда ему становилось любопытно – а что если?.. В итоге он застревал в своих дилеммах, чувствуя, что ещё чуть-чуть, и он откроет астральный путь в матрицу бытия, если не прекратит паутиной просчитывать всевозможные варианты уже чего-то левого.

И именно поэтому остальные его раздражали. А знай, кто он на самом деле – позвонили бы в ООН.

Эрнест разный. И нет ничего притворного – всё искренне. Улыбка тоже. Неважно, когда он счастлив или когда убивает – нет притворства, которое так раздражает. Лицемерие тоже не для него. Если человек говно, он скажет об этом не стесняясь.

О его деятельности никто не знает, о его личности – личностях? – тоже, о его настроении невозможно догадаться, хотя на лице всё написано.

Большинство его не любили из-за внешности и поведения, меньшинство – более развитое и умное – за то, что он не такой. Он отличается, и это заметно. И дело вовсе не в длинных пепельных волосах и гетерохромии, хотя это у него от природы. Люди имеют отвратительное свойство завидовать вместо того, чтоб пойти и добиться своего, такого же или даже лучше. Эту часть населения Эрнест даже уважал. Ну, что чувствуют в нём превосходство, а не просто оболочку видят.

Однажды в дверь постучали. Достаточно настойчиво, чего не было со дня её покупки. Эрнест удивился, но просто охренел, когда на пороге увидел девочку лет десяти-двенадцати, с вызовом уставившуюся на мужчину.

- Я думаю, ты видишь сходство, - сообщила та, зло, серьёзно глядя в разноцветные глаза.

- Кроме злобы – нет, - Эрнест поспешил захлопнуть дверь.

Стук повторился. Настойчиво, долго тарабанили, минут пятнадцать, пока рука не устала и в ход не пошла нога.

- Я тебе сейчас словесно мозг выебу, - Эрнест был в бешенстве. Он за шкуру схватил маленькую гостью, вздёргивая над полом. – Ко мне коллекторы не так ломались, как какая-то сопля.

- Слышь, папаня, я к тебе долго шла.

На какой-то миг того смутило слово «папаня», но он отбросил вариант, заставляющий сердце гипертонически колотиться. Однако чем больше он рассматривал девочку, тем больше понимал, что отрицать очевидное слишком глупо. И она это тоже знала, скрестив руки на груди, насмешливо глядя на мужчину. Вообще, она уже начинала нравиться Эрнесту за свой выразительный, говорящий взгляд.

- И сколько ж тебе лет?

- Двенадцать. Мама сказала, что ты был совсем мелкий тогда.

- Ну да, мне не больше шестнадцати тогда было, - задумчиво проговорил Эрнест, внезапно осознавая, что он молодой папаша-одиночка и можно срубить с этого денег. – А как ты меня нашла?

- Мама мне фотку дала, - малая покопалась в большом рюкзаке, вытащив мятую вырезку из газеты с объявлением, что человек на фото подаётся в розыск с недоказанными тремя преступлениями.

- А как твоя мама выглядит? – вопрос, собственно, был бессмысленный, просто чтоб унять неловкость, пока новоиспечённый отец прикидывал, куда девать ребёнка. Сдать в детдом? Отправить обратно с неутешительными новостями? Мамаше она тоже не нужна, ему от слова «ваще», бессовестно вышвырнуть на улицу? В принципе, он мог себе такой позволить, но ребёнок по-видимому смыслёный, а отсюда вытекает вариант, что напоследок она как минимум насрёт ему под дверью.

- Какая тебе разница, если ты её не помнишь? – девчонка выразительно изогнула белёсую бровь.

- Действительно, - как-то в никуда проговорил мужчина. – Но надо же знать, кто мне свинью подсунул. Какая тварь посмела залететь? А потом ещё и спиногрыза сплавить.

- Я сама пришла.

- И всё же, как ты меня нашла?

- Внешность у тебя слишком вызывающая, папаня.

- Эрнест.

- Вот ты уже и представился, - мелкая довольно улыбнулась. – Лиза. – И протянула ладонь для рукопожатия.

Эрнест хмыкнул. Тут даже тест ДНК не нужен.

- Слышь, Лиза, ты хорошо подумала? Ты слышала, что обо мне по телеку говорят? Я из тебя малолетнюю шлюху случайно воспитаю.

- Посмотрим. Я сама решу, что принимать от тебя, а что нет. Смотря что ты сможешь мне дать.

- Самостоятельная, - Эрнест всё-таки ответил на приветственный жест, но когда девчонка хотела выдернуть руку, он крепко её сжал. – А знаешь что? А ты мне нравишься. Мои гены слишком, видать, ядовитая штука. Но ты хорошо подумала? Из меня примерного родителя не выйдет.

- Ты научишь меня защищаться, ты научишь меня жизни. Другой жизни. И я не передумаю.

- Смотри мне, - отец прищурился, - пути назад не будет. Если пойдёшь со мной, то пожалеешь, но тебе понравится.

- Не пожалею! – с чувством выкрикнула Лиза, прямо пропитываясь моментом.

- Отлично. – Эрнест, наконец, отпустил её руку, почесал затылок и отошёл, пропуская дочку в захламлённую квартиру. – Для начала будешь готовить.

I'm he

Грусть его почти не трогала – обходила стороной. Слишком уж сумасшедшим он был. Однако редкие моменты одиночества, которые Эрнест сам себе устраивал, были теми минутами тоскливого ликования.

- Можно?

Его тягучий, лязгающий голос, хриплый от долгого молчания, призрачным эхом разлетелся под своды высоких потолков с невероятно красивыми росписями.

- Да-да, сын мой, проходите.

Никого не видно, именно поэтому священник так приветлив – пока не видишь, с кем имеешь дело, надо быть как все. Когда знаешь – обязательное условие быть собой.

Эрнест шагает вглубь церкви, и его подкованные тяжёлые ботинки создают какой-то негармоничный шум.

На лавочках сидят несколько человек, недобро, искоса поглядывая на пришедшего – в такой одежде только в бордель ходить. Шлюхой. Поэтому провожают мужчину осуждающими взглядами; кто-то даже поспешно ушёл, особо набожный.

Священник слегка растерялся, увидев у алтаря диковатого на вид панка: в нём было всё неправильно, начиная с длинных до колен пепельных волос, разноцветных глаз и вообще внешнего вида, заканчивая поведением и глубоким, безразличным, понимающим всё дерьмо взглядом. Он здесь как нескладная, лишняя мозаика в картинке.

- И что же... кхм, привело Вас сюда? – батюшка склонил голову, ожидая услышать что угодно, кроме правды.

- Скука, - не соврал Эрнест, просто пожимая плечами. – Могу ли я поставить свечу?

- Да, конечно, - служитель церкви, видимо, нервничал рядом с таким человеком. Он понимал, что тот видит, что он – склеенный. Из кусочков, как коллаж, весь состоит из чьих-то обрывков, в то время как пришлый неформал носит в себе целые миры. И никому ни за что не показывает их. Священник боится таких людей – самодостаточных, цельных, со своими Вселенными. Которым нечего терять. И не он один боится. И по Эрнесту видно, что тот этого абсолютно не скрывает, даже отчасти наслаждаясь. – За кого или на что?

- А за весь этот мир можно? А-то я в таких местах редко, знаете ли.

- Тогда всех свечей во всех церквях не хватит, - смеётся батюшка, но тушует под тяжёлым взглядом. – Свечу ставят за что-то конкретное.

- Да Вы пессимист, батенька, - Эрнест смотрит насквозь, но не так, будто мужчина прозрачный, а именно в душу, хищнически, с холодной яростью и на дне разноцветных радужек плещется разочарование на пару с усталостью. – Мир вполне конкретен. Даже

так далёкий от вас духовный.

- Если хотите – ставьте за мир, - поспешно согласился тот.

- И Вы сразу же отказываетесь разговаривать со мной, - подметил длинноволосый, ухмыльнувшись. – А как же рассуждения о боге? О чём мне разговаривать, если я пришёл именно за этим? О, не беспокойтесь, пастырь или как вас там, я не разбираюсь в чинах, я не посмею осуждать кого-либо или спорить с вашими взглядами. Я просто люблю рассуждать.

- Признаться, - несмело ответил мужчина, - я встречал... ну, подобных Вам, пропагандирующих анархию и хаос, а не любовь к Богу, ярых антагонистов веры, дикарей или же показушных революционеров, однако, по Вашим словам, Вы принимаете и не спорите с божьим словом. Поэтому я приятно удивлён.

- Я не говорил, что я не пропагандирую чего-то подобного, просто я не тупой.

- А разрешите узнать, зачем вы это делаете? – священник многозначительно кивнул. – Хаос и разрушение вовсе не принесут счастья.

- Согласен, но у меня свои мотивы. У других, как Вы выразились, показушность и глупость.

- И будет Откровение божье...

- И новый мировой порядок.

- Вы читали Библию?

- Отчего не прочесть? Интересная вещь о том, как «надо и не надо».

- И люди, которые творят зло... приближают пришествия Антихриста. – Всё-таки осмелился высказаться батюшка, опасно заглядывая Эрнесту в глаза.

- Ну почему же приближают? – как-то слишком спокойно говорит тот, зажигает свечку, шепчет молитву и ставит на свободное место. И только после этого продолжает. – Я уже здесь.

Часть 7

Эрнест смотрит на неё и не замечает, как тупо идёт следом – то ли он так давно разговаривал с нормальными людьми, то ли она покоряет его... всем. Он просто подчиняется каким-то чарам холодного обаяния, исходящим от её утончённой фигуры.

Она что-то говорит – много, долго, заумно – явно знает о чём, основательно подготовленная речь, видимо, - иначе быть ходячей энциклопедией нереально, - засыпая Эрнеста ворохом информации о новых ракетных двигателях. А потом, увлечшись и не сразу замечая отсутствующий взгляд мужчины, тушует, начиная тараторить всевозможные непонятные термины, изредка холодно возвращая в реальность. Её мелькающие колкие фразы и комментарии сродни пощёчинам, и Эрнест млеет от этого – обычно бабы сами на него вешались, а тут... Так, стоп, она не об этом говорит...

Того хватает ненадолго. И сначала он и вправду добросовестно пытался вникать в суть, но отвлёкшись и пропустив часть сжатого по смысловой нагрузке текста, решил больше не идти против воли: он просто смотрит на девушку, как хищник смотрит на жертву – красноречиво, терпеливо-выжидаяще. Его избранница замечает перемены во взгляде, затараторив с настойчивым требованием дослушать, скрестив руки на груди. Эрнест уверен – она без слов всё понимает, это слишком очевидно для такого умного человека, - и он про себя ухмыляется – кажется, он сорвал джек-пот.

Блондинка в строгом костюме предупреждая выставляет вперёд руку – не подходи. А потом выставляет условие, что если тот сможет поддерживать конструктивный диалог на все скачущие темы, то позволит себя поцеловать. Эрнест почти соглашается, хотя честно – Эрнест заебался всё это выслушивать. Ему интересно и он с удовольствием послушает это потом, а сейчас... о-о-о, а сейчас ему хочется прямо тут, даже не закрыв дверь. Его безумно заводит эта недостижимость, эти чёртовы гениальные мозги, которые вмещают в себя столько материала и не путают понятия, такая мрачная и холодная личность... Он любит умных, даже когда отрицает свою неправоту, но такие индивиды объясняют ему хромающую логику. Это он очень ценит.

Эрнест наступает на пятящуюся учёную, упирается руками в стены по обе стороны от её блондинистой головы, и не в тему кивает, ждёт, пока та возмущённо выговорится.

- Я ценю всё, что ты знаешь, всю ту информацию, что несёшь и пытаешься донести; ценю твои теории и теоремы, химические и твердотопливные двигателя, твоё образование, как специальное, так и саморазвитие, твой опыт, навык, твои взгляды на жизнь, твою жизнь как таковую, не знаю уж, как она у тебя сложилась; твой вид и все твои усилия, которые ты приложила, чтоб хорошо выглядеть и заработать авторитет; мне всё это интересно, ты всё это мне расскажешь, я ценю всё, но сейчас... сейчас раздвинь, пожалуйста, ноги.

Приём гостей

Слышишь? Ты меня слышишь?

Слышу.

А он?

Слышит.

Не спеши, тс-с-с...

Надо сказать...

Надо предупредить...

Не надо.

А он знает?

Знает.

И что теперь?

А дальше осень.

Он вообще думает об этом? О чём, чёрт возьми, он думает?!..

О себе. Эгоисты думают только о себе.

А что если...

Нет.

Эрнест судорожно вздыхает. Давится никотином, кашляет. Лёгкие уже болят от такого количества дыма.

Ему плохо, помочь бы...

Не стоит. Он не принимает жалость.

Тихо. Он выбирает путь. Не мешайте слушать.

- Да кто, чтоб вас вчетвером драли, вы такие?! – не выдерживает парень, вскакивает и хватается за пульсирующие виски. Прострелить бы. Оба.

Он нас заметил?

Не знаю, просто заткнись.

Все заткнитесь, пожалуйста. Аж противно уже от вашего шума.

- Нет, говорите, - с вызовом выплёвывает Эрнест куда-то в угол стены. Та перед глазами едет вертолётиком, такая шершавая, с облупившейся кусками красками, блевотного серо-зелёного цвета. Пол тоже едет или это длинноволосый падает – там сложно разобрать. Главное, что того откидывает куда-то на середину комнаты, а комната не имеет постоянного размера.

Может, сказать?.. Он просит...

Это пройдёт, пусть сам догадается. Мы тут ничего не решаем.

А вдруг мы сможем помочь? Нас выпустят, слышишь?

Нет.

- Меня выпустите, - хрипит Эрнест, развалившись на холодном бетоне. – Я вам даже полы помою.

Он смирился? Не верю!

Ты не Станиславский, чтоб не верить. Он не играет.

Я домой хочу...

- Я тоже...

Что он говорит? Он давно дома, пусть не врёт.

Это не его дом.

У него нет дома.

Расскажем ему? Или...

Не спеши.

Тихо.

Что?

Спит.

Разве?

- Кто вы?

Я ж говорил!

- Да что вы от меня хотите?!..

Помнишь...

- Нет.

Тогда...

- Я понял. – Эрнест плялится в высокий потолок. – Вы из прошлого? Убитые мной? Души неуспокоенных? Посланники из Ада? Или будущего?

Ты плохо думал о нас.

Не надо...

Мало думал, я исправлю. Дети... мы твои дети.

- Я многодетный отец? – ухмылка сама растягивает губы.

Почти. Мы не родились, поэтому ты такой. Ты болен, Эрнест.

- Знаю.

Породи нас.

Парень устало закрывает глаза. Он позволяет себе представить каждого. Поимённо: Суицид. Паранойя. Страх. Все здесь. Боль – особая гостья. Этих гостей он особо любит – он с ними живёт. Остальных осталось пустить к себе, ещё ближе.

Наконец-то он принимает гостей.

Часть 9

Некромант наблюдал за братом всегда: диковатое, неуправляемое, но чертовски умное существо, грёбаный манипулятор человечешками. Ему никто не нужен, зато ему нужно всё материальное.

Быть таким отморозком по жизни - его кредо, ещё с детских лет; кто знал, что из малолетнего террориста вырастет полноценный бунтарь? Он не раз поднимал народ на мелкие революции местного масштаба, пользуясь их высокими идеалами, а потом со стороны ржал, глядя, как их разгоняют из водомётов. Эрнест любил разжигать огонь страсти, а потом скрываться где-ни-попадая, игнорируя человеческие морали. Эрнест обожал унижать и пытаться, иногда даже без жалости убивал, ведь это так просто стало. С годами.

Поэтому Некромант со смешанными чувствами смотрит, как его брат - невыносимая мразь и хладнокровный убийца - смачно шмыгнул носом, вытирая его рукавом. И дело вовсе не в заработанных недавно соплях.

Рядом с ними, точнее, напротив, стоят четверо. Издалека они безлики, будто марево, кажется, что всего лишь галлюцинация, но недалеко такие реальные и невыносимо-настоящие, что Эрнест глотает ком в горле, крепко матерится, хотя голос дрогнул, и просто утыкается брату лицом в плечо, громко, надрывно рыдая.

Все молчат, отчего вой младшего становится ещё громче.

Некромант не знает, что делать - наверное, впервые за всю жизнь, - поэтому хлопает близнеца по спине, пока тот пачкает его плащ миксом из слёз и слюней.

- Мы обещали, мы вернулись.

Говорит кудрявая девчонка. Остальные кивают, будто подтверждая это.

Старший близнец замечает - в каждом из них не хватает по какой-то детали, как будто знает, что с этими мелочами их образ будет завершённым: кудрявая босиком, она явно шла сюда так издалека; вторая девчонка в грязных рваных джинсах и такой же майке, а в руках держит часы без стрелок - молча и безэмоционально; третий - Некромант его где-то видел - наоборот - носит вплетённые в длинные волосы перья, которые Эрнест нередко хранил в коробке с костями; последний ничем не выделяется, вот только чёрная лента развивается на ветру.

Эрнест затихает, отлепляется от чужого плеча, и, вытерев покрасневшие глаза, медленно стягивает с себя петлю, оставшуюся ему на память с эшафота, где он едва не умер.

"Возможно, - думает Некромант, - это единственные достойные его люди", - и снимает с горла пресловутый ошейник.

Больше друзей никто никогда не видел.

Часть 10

«Хэй, брат! Я думаю, ты впервые получаешь от меня письмо (да и вообще что-то получаешь, кроме наёбов). Как жизнь? Жив ли? Можешь не отвечать, просто кивни, я почувствую.

Удивлён? Ха! Я старался. Надеюсь, мой почерк достаточно разборчив, ведь от руки я не писал тебе хучу лет. Как видишь, пишу я грамотно. До сих пор помню, как ты грозился выебать меня орфографическим словарём...

Нет, через интернет или другим электронным способом говорить о себе не буду. Не доверяю, слишком серьёзные вещи, чтоб безрассудно выкидывать их в сеть, а бумага-то всё выдержит. Я тут пока писал, уронил её пару раз, но ничего, думаю, разберёшь. Из тебя неплохой человек бы вышел, да и расшифровываешь мой бред на ура.

Собственно, пишу от всего сердца. Да, прикинь, оно у меня есть. На правах рекламы также передаю всем привет! А в целом не об этом.

Помнишь, ты говорил, что ненавидишь меня? Брат, ну я же людей насквозь вижу... Если бы это было действительно так, я б не писал тебе это сейчас. В целом, у меня всё нормально. В моём понимании нормально, так что не закатывай глаза. Пишу из другой страны. Нелегал-беженец с террористическим прошлым – м-м-м, звучит, да? Короче, всё норм. Ах да, искать меня не надо даже если внезапно такая мысль проскользнет. Бесплезно. Могу дать координаты, но сам догадаешься. Да и маловероятно, что я ещё там.

Что ещё сказать?.. Ах да, глаз, который правый, который зелёный, выбили, твари. Я их просто размазал, но вот части тебя во мне стало ещё меньше. Я очень сожалею, что потерял твой подарок. Ха, тогда ещё это было невероятно мило с твоей стороны. Я не ожидал. Честно. До сих пор иногда болит место, куда ты мне его тогда зарядил, но это было мило. И я его потерял... Признаться, я долго грустил от этого.

Можешь дать почитать это нашим друзьям – всё-таки я люблю мучить людей. Не зря же я такая мразь. Зато вам всем в конверте по подарку. Если не спиздили, то должно быть. Там перо совы, монетка, стрелки от часов и лента красная. Квест – найди свой подарок. Там для каждого свой, и если не к хозяину попадёт – не будет работать. А ещё, отдельно, вырванный листок с молитвой на латыни.

Знаешь... мы феерически не сошлись в этой Вселенной. Я очень жалею... нет, не так. Плохо, что мы всегда были по разные стороны своих собственных баррикад, ведь близнецы, говорят, душа, делённая надвое... Друзья об этом говорили, всегда, постоянно. Я же видел, как они относились к такому... Нет, осуждения не было, просто... Знаешь, понимание таких вещей – великая сила. И дело вовсе не в возрасте. Ты же знаешь, что я никогда не вырасту, пусть мне и под тридцать, я и раньше понимал это, просто недавно серьёзно задумался... А, поздно, что уж там. В конце концов, у меня воля низкая, я вам информацию дал, а дальше решайте без меня.

Зато я отлично повеселился! Одни только мордобои с тобой чего стоят! Я очень

благодарен всем вам.

Сомнения по поводу подлинности сего письма однозначно появятся, а посему рассказываю: наш гений-биохимик – чёртов аллергик, чтоб ни говорил, и через сто метров выносливость с дыхалкой кончается, а ты, брат – моралист-извращенец высшей пробы. У кудрявой ещё туссы агрессивно-розового цвета, я проверял (а нехер разбрасывать свои вещи). Возможно, вы разозлитесь, но мне приятно будет, так что... дразнить, пожалуй, буду пытаться всеми силами. А, ещё... Жизнь моя насыщена всем, чем только можно. Если не приуменьшать. На момент написания письма произошло очень многое, тут и листа не хватит, поэтому опустим подробности. И поэтому хотелось бы поблагодарить всех, кто был со мной. Естественно, кто был другом (остальные расходный материал). Моя жизнь здорово скрасилась вашим присутствием в ней. Эй, не грустите! Рано. Начнёте с того момента, как я скажу. Его величество брат, надеюсь, не будет сетовать на это, ведь бразды правления всегда отдавались ему. Смейтесь, вспоминая всю дичь, что мы пережили. Там остались наши души.

Моё тело наверняка уже растащили бродячие собаки, поэтому, повторяюсь, искать нет смысла. У меня всё нормально, теперь хорошо. Встретимся в другой Вселенной, теперь они немного не совпадают. Буду ждать за границами сознания – не люблю, знаешь, ограничения»

Старый дворник долго перечитывал письмо неизвестного, после чего отправился на поиски адресата. Помог странный парень длинноволосый парень с ненормальными, жёлто-зелёными глазами.

Примечание к части

В третьем снизу абзаце присутствует зашифрованное, несвойственное для Эрнеста послание. По большим буквам

Happy birthday, motherfucker

Сегодня даже зажигалка решила подвести – закончилась, плюнув напоследок искрой, тут же улетающая в стену. Эрнест обречённо валится в кресло.

Сегодня у него День рождения, а никто об этом не знает. Или не помнит. Или, возможно, некому помнить уже... Или всем просто плевать. Неважно. Главное, что он который день сидит в холодном, захламлённом доме, провонявшем плесенью и прелой древесиной, старьём, оружейной смазкой, бензином... Он сидит здесь в надежде на отдых. Это его личный замкнутый круг. Место, где вечные мысли прогоняются по кругу миллионный раз, натываясь на те же ответы и тут же находя новые. Эдакий Катарсис. Чистилище. Маленький любимый Ад.

Эрнест смотрит в окно, на свинцовое, тяжёлое небо, на туманный лес, обвисший мокрыми ветвями; переводит взгляд на высокий потолок – под несущими балками развешанная длинная полупрозрачная материя, метров так десять, рассеивая свет от одинокой лампочки. Честно, Эрнест даже не помнит, откуда ткань. Он вообще никогда не заглядывает в свои склады, просто потому, что он не помнит всех тех людей, которые просили «чтоб полежало». Половины из них уже точно нет в живых, половина уехала с концами, забыв о своих вещах. Так в доме накопилась куча барахла. В остальные комнаты хозяин даже не заглядывает, а надо бы. А что на чердаке творится...

Парень апатично ведёт взглядом по импровизированным горам – там даже граммофон завалился, а на полу разбросаны мелкие деньги. Убрать бы... В конце концов хоть иногда же нужно выносить мусор из своей жизни, верно? Хотя бы в День рождения...

Вообще, обидно было до слёз. Не то чтобы Эрнесту нравилось быть гвоздём программы – он и сам умеет привлечь внимание, когда хочет – дело в том, что собственное настроение болталось где-то ниже нуля. Ему не принципиально, чтобы помнили о празднике – да и праздник ли это вообще? – ему важно, чтоб друзья были рядом. Вниманием общества он манипулирует как нехер делать, от скуки, но искренние желания важных ему людей для него важнее его собственных. Если они сейчас с ноги откроют дверь, он будет возмущаться, однако будет невъебенно счастлив.

Но никто не придёт, Эрнест в этом уверен.

Повтыкав в потолок, длинноволосый всё-таки лениво поднялся на ноги, направляясь к прихожей – было бы неплохо начать оттуда.

Как оказалось, там спрятались странные вещи: нашлась коробка с бисером и перьями, которые он, как сорока, стаскивал ото всюду; красные нитки; чужой чемодан с фотоальбомами; мешок шишек; под завалами какого-то тряпья открылись чьи-то блокноты с записями.

«...27.09. Ель обыкновенная начинает цвести в возрасте 25-30 лет. У неё тоже образуются два типа шишек — мужские и женские. Фиолетово-красные или зеленоватые молодые женские шишки, появляющиеся на концах прошлогодних побегов... »

Дальше Эрнест читать не стал.

Пошарив по цветочным горшкам с засохшими растениями, он вытащил связку ржавеющих ключей. Как же давно он не был в других комнатах...

Дверь отворилась с тихим скрипом, свалив на пол стопку журналов – возможно, там даже порнуха запрятана, никто не проверял. В дальнем углу стоял пыльный торшер с матерчатым, винтажным абажуром. С потолка на хозяина дома сыплются белые и чёрные пауки.

Тяжёлый застоявшийся сладковатый воздух с трудом проникает в лёгкие, двинулся через дверь, смешиваясь, сдвигая свои слои – кажется, здесь когда-то что-то сдохло.

Под ботинками хрустнули раковины улиток – откуда, если дом наглухо заколочен?.. Щели только прожранные мышами...

По стенам висят чужие шляпы, зонты, чьё-то заношенное и побитое молью пальто; сумки и чемоданы, даже бубен. Бубен, чёрт возьми. Такая находка несколько удивила Эрнеста, он долго смотрел на неё, но ему по прежнему нет дела до всех этих вещей – он не помнит их хозяев, поэтому было бы неплохо избавиться от ненужного. Скорее всего, эти люди были хоть как-то близки парню, раз он согласился захламлять свой дом, однако память решила, что они неважны, стерев все воспоминания, делая их безликими силуэтами – далёкими и бессмысленными.

Вещи носят с собой воспоминания. Возможно, поэтому ему так некомфортно и... опять всё равно?.. Нет, не всё равно. Если люди ушли, значит, они должны уйти полностью из его жизни, а не валяться осколками под ногами.

Сгрузив барахло в багажник внедорожника, Эрнест тоскливо смотрит в небо: осень, как и любое время года, ему нравилась. Как и любая погода. Стоит только задуматься о своём, как она помогает прислушаться к себе.

Уже вываливая мусор на огромную свалку у города, где часто шарятся бомжи, парень с усмешкой думает, что его брата уже наверняка поздравили. Его не то чтобы любят... Просто он попроще. А простых считают более отзывчивыми. И они не знают, что тому тоже плевать на всех, на свой День рождения в частности, что «попроще» - это тоже такая себе уловка, только он пользуется ею немного иначе, чем сам Эрнест. И только их друзья знают, как угодить близнецам.

Глядя на горы никчёмной помойки, куда выбрасывают ненужные вещи, хотелось выбросить себя. К нему уже потихоньку тянулись местные жители.

Тратить время на людишек не хотелось, поэтому длинноволосый поехал обратно. И, каково же было его удивление, когда прибитая ножом к двери болталась записка:

«С ДР, сучёныш! Мы о тебе помним, не как в тот раз. Пожелаем здоровья, что ли, а то даже не знаем, что писать. В целом, не подхвати пулю и не заболей сотрясением мозга. Впускай в жизнь побольше нового. Happy birthday, motherfucker!

- А надо было всего лишь генералку сделать, - проворчал Эрнест, рассматривая подарок – добротный тот самый охотничий нож, с гиеной на лезвии. – И даже все в сборе, заразы. Что ж... народ, я счастлив.

Часть 12

- Ты очень красивый.

Эта фраза въелась в мозг, будто кислотой выжжена на черепной коробке, и, казалось бы, что в ней такого, но есть же, есть ассоциации. Воспоминания. Слишком много их. Слишком ярких, старых и свежих. И они регулярно пополняются.

Эрнест ненавидит эти три слова. Они звучат постоянно, по-разному, на разных языках, но смысл один, эхом прокручиваясь в голове, пока парень нервно курит после... После услышанного.

Ему так говорят все. Поголовно. И он снова ненавидит общество со своими стандартами, ненавидит людей, ненавидит себя... Да что вообще эти ослы знают о ненависти?.. Что такое есть? А ещё удивляются, когда видят, как Эрнест кривится от каждого такого «комплимента», пытаются загладить вину и сыплют ещё больше подобной хрени, только усугубляя ситуацию – длинноволосый на это лишь устало прикрывает глаза – одно и тоже из раза в раз. Судить по себе как-то... глупо, не находите? Почему-то все считают, что потешить чужое самолюбие можно именно таким способом. Восславить генетику, похвалить хромосомы... Молодцы.

- Ты прекрасен, - шептали ему на ухо, пока пускали по кругу рыдающего мальчика.

- Он слишком на бабу похож! – Смеялись подростки, избивая того до полусмерти.

- Ты будто ангел, - приценивался покупатель.

- Ты похож на суккуба, - переговаривались наёмники, а их босс им отвечал: - Хуже, он как Люцифер.

Даже его жертвы, не подозревая о своей участи, восхищались.

- Ты невероятно красивый, - вздыхала потаскуха – она сама за ним увязалась.

На что Эрнест только сбрасывает одежду, показывая тощее тело: шрамы, рубцы, ожоги, ещё не затянувшиеся раны и гематомы – живого места почти нет. Зато лицо почти нетронутое. А на длинной шее фиолетово-лиловое ожерелье, как, впрочем, и на запястьях.

Он усмехается.

- Я отвратителен.

Когда-то он шарахался от чужих слов, в истерике раздирал себе кожу, до мяса, пытался перед зеркалом сорвать её, подцепив отросшими ногтями нижние веки, выцарапать такие редко встречающиеся глаза... Чтоб перестать слышать это проклятое «прекрасен». Он с детства чувствовал себя каким-то редким зверьком, на которого люди смотрят с завистью и интересом. Но почему-то никто никогда не отмечал, сколько труда вложено в его личность. А потом что никому это не надо. Фантик же привлекательней, а

там вникать нужно.

Со временем это прошло. Научиться использовать свои данные вещь полезная. Теперь, сказавший эту фразу для себя выбирает кто он – лжец или фанат? Ведь от этого зависит, как его убьют.

Россыпь свежих кровоподтёков украшает побледневшие шрамы. Как людям может нравится то, что запятнано очень многими? То, что практически мертво и живёт лишь по инерции ударов сердца? Парень никогда не следил за своим телом, добывая его никотином и алкоголем. Изредка наркотиками, когда совсем уж паршиво – всё-таки он не настолько слабак.

Эрнест видит своё отражение в витринах магазинов и ему тошно.

Эрнест по-прежнему ненавидит зеркала, однако каждый раз опасно подходит к ним, рассматривая новое увечье – он улыбается отражению, а оно ему – нет.

Часть 13

Эрнест резко выпрямляется, хватаясь за голову – зря он так – изображение поплыло, а к горлу подступил ком тошноты, забивая рваное дыхание. Парень переводит чуть сумасшедший, диковато-расфокусированный взгляд на дорогу, потом на брата. Что-то клейкой субстанцией не позволяет принять картину происходящего – будто всё какая-то фанерная декорация; что-то не вяжется, есть какая-та фальшь в наигранно-спокойной поездке за городом, в ровном сером асфальте, красивом пейзаже за стеклом автомобиля... Всё это какое-то... чужое.

Он вопросительно смотрит на Некроманта, пока тот, в свою очередь, периферийным зрением наблюдает за ним.

- Мы в Швейцарии, - коротко поясняет брат. – А ты, как всегда, в дерьме.

- Спасибо, - буркает Эрнест, усаживаясь поудобней. И в благодарности нет сарказма – он и вправду благодарен, что его снова спасли, просто нужно, чтобы звучало это тихо, еле слышно – а то ещё услышат.

- Что такое, Эрни? – наигранно спрашивает водитель, хотя голос пустой, кажется, что кинь в эту пустоту что-либо и даже звука удара не услышишь, ибо она там абсолютная.

И Эрнест действительно задумывается – а что же не так? Ему не впервой просыпаться – очнуться – непонятно где, а всё тело напоминало сплошную боль, но вот неполноценность бытия и всего окружающего можно списать на плоскость изображения...

Парень тянется рукой к пустой, перебинтованной глазнице – месту, где был связывающий его с близнецом яркий жёлто-зелёный глаз. Теперь у него остался бесцветно-голубоватый, будто неживой, рыбий. А того нет. И объёма тоже.

Эрнест усмехается.

Это то, чем он дорожил больше всего – их отличали только по радужкам. Их не парила идентичная внешность, нет... У них были уникальные глаза – три на двоих – и один дефектный, почти не окрашенный. Соответственно, связь состояла именно в частичке Некроманта в душе Эрнеста – в который раз тот понимает, что гляделки не зря зеркало, которое он так не любит.

Отвернувшись к мелькавшим в окне деревьям, Эрнест чувствует какую-то опустошающую лёгкость – то ли это после травм его немного колбасит?

И оба теперь понимают, что они стали чуточку чужими как и мир для них.

I need you, my friend /1/

С Харальдом Эрнест познакомился случайно, впрочем, как и с остальными. На птичьем рынке, они пересеклись взглядами, не более, так и пройдя мимо друг друга, даже не запомнив внешность – хотя Эрнеста не запомнить трудно. И знали бы они, как тесно свяжет их судьба, ведь подвальный кабак в Мексике – с неоновыми слепящими вывесками и сизым дымом, что клубами витал под потолком – окажется отправной точкой.

Заказчик, или как местные называли его просто Босс, ждал результатов: от Харальда информации, от Эрнеста отчёта об удачно проведённом деле. Иначе быть не могло. Не должно было. Хотя парень и не выглядел громилой, чтоб посылать его вытряхивать деньги из нерадивых, задолжавших Боссу личностей, всё-таки он искусно полоскал мозги, с нездоровым упоением доводя жертву до истерики – если физически нагибать запрещено.

От Харальда ожидалась поверхностная разведка. И пусть оба мужчины не работали на Босса, а чисто подрабатывали сиюминутно – причём оба для выезда из страны – пересеклись они непосредственно в его, Босса, каморке. Снова встретились взглядами, только уже изучающе, прицениваясь, не доверяя. Эрнест всегда смотрит с интересом – и, плохо дело, когда он смотрит пусто или холодно – заискивающе, заглядывает в такие же разноцветные глаза немца. Его до жути распирает, что он наконец-то нашёл собрата по «браку» в генах.

Взгляд Харальда же тяжёлый и мрачный, тёмный, будто он не просто устал, а заебался от всего этого мира – его легко можно было представить среди беснующейся толпы на костре – людей с таким видом автоматически записывают в мученики. Или демоны-инквизиторы – смотря как посмотреть.

Как бы там ни было, но двое синхронно, как по команде, достают блокноты с записанными результатами – да, Босс почему-то требовал всё в письменном виде.

Тот, пролистав аккуратный текст Харальда и кривопляшущий Эрни, небрежно кидает потному мужику с пушкой принести скромное вознаграждение.

На двоих иностранцев устремлены прожигающие взгляды немногочисленной свиты – местные авторитеты платят немного, зато и не раскрывают по пустякам – самим не выгодно – а с крупными шишками связываться не хотелось. По крайней мере Эрнесту, ведь для него нет ничего обременительней жёсткой руки на ошейнике и постоянной травли. Он сам по себе.

Как потом оказалось, Харальд, в отличие от длинноволосого, не первый раз работает с Боссом, периодически провозит контрабанды редких дорогостоящих птиц, которые тот потом перепродаёт или же дарит для пиара мэру или ещё кому. К тому же, помимо птиц, Харальд приторговывает оружием, из-за чего его, нет, не любят, но ценят чуть больше остальных торговцев. Чуть больше Эрни. И тому интересно – что же это за кадр такой?

Заплатить, а потом по пятам следовать до ближайшего переулочка – закон жанра, поэтому,

зная схему наизусть, Эрнест специально устремляется по узким, пустым местам, где якобы можно было бы его зажать. И, какого же его удивление, когда его окликают. Нет, не мужланы, что хвостом ведут его, а с немецким акцентом, высокая фигура в чёрном махнула рукой, мол, подойди.

А потом было немного непредвиденные обстоятельства: напали по плану и дрались двое наёмников отчаянно – один с горящим азартом, вынося преследователям зубы ударом тяжёлого ботинка; второй с холодной злостью, просто за то, чтобы отвалили от него и его денег. И, не успев разобраться до конца, как к ним сбежалась полиция, растаскивая всех дубинками по сторонам. Не особо разбираясь кто где, всю не успевшую сбежать потасовку закинули в машину, отвозя в отделение.

А потом было разбирательство, Эрнест сдал бандитскую группировку в обмен на свободу и безпроблемность в личном деле, а ещё успел договориться о «вон том унылом чувачке, который не с ним, но может пригодиться».

Эрнесту на тот момент было двадцать четыре, а Харальду двадцать два, когда они подружились. И подружились они далеко не сразу. Долгое время немец проклинал тот роковой день встречи, пока бежал без денег и документов вместе с длинноволосым чудовищем от работорговцев. Потом ненавидел Эрнеста и пытался его убить – они часто дрались на этой почве, а белобрысый всегда разводил тощими руками с лыбой на всю рожу напоминая, что тот сам за ним пошёл. Он предупреждал. А ещё он предупреждал, что если держаться с ним, то как в жопу попадёшь, так из неё и вылезешь, главное, ловить момент и не ныть. В целом, так и было, отчего Харальд поражался чужой способности – дару – эпично вступать в неприятности по крайней мере, не менее эпично в последствии их разгребать. Что не могло не радовать – самому. Контрабандист в этом почти не участвовал, лишь подыгрывал. Злился постоянно, но белобрысый суккуб – не иначе – как быдто мысли читал, всегда предлагая ли то, что нужно. С собой тоже не брезговал.

Через несколько месяцев они разошлись. Просто в поезде вышли покурить и один не вернулся. Харальд любил уходить по-английски, ничего не сказав на прощание и даже не оставив сигарет, - просто сошёл на одной из остановок в каком-то городе, пропав без вести.

Эрнесту не то чтобы одиноко... Хотя нет, его гнетёт одиночество. И не обидно ни разу – лишь усмехнулся куда-то вслед товарищу по несчастьям – просто скучно в одиночку бороздить просторы Европы. В Европе спокойней как-то, все более отмороженные, деловые, манерные; ходят себе по делам безо внимания на неформалов. А Эрнест наблюдает. Ждёт.

Погода прямо-таки шепчет, а он как всегда – только пальто-плащ на плечи накинут и длиннющий шарф намотан – для образа, не более. Он настолько привык к холоду вокруг, что не замечает его. Во всех смыслах.

Фигуру Харальда вычислить несложно, а тот, заметив радостно махающего парня, чертыхнулся, сцепив зубы, поспешил ретироваться, пока ему не насыпали проблем с совершенно неожиданного бока. Но жилистая рука хватает его за плечо; в ярких разноцветных глазах читается: «Здравствуй, друг, я скучал», - а на деле Эрнест говорит,

отводя взгляд вниз и сдерживая улыбку:

- Я однажды встретил охуенного – или охувшего? – не помню точно, человека, которому задолжал кусок своей жизни и пачку сигарет. Как думаете, он будет рад меня видеть?

Харальд вправду не любит людей, а особенно проблемы, которые они несут с собой, но почему-то отцепить от себя цепкие пальцы не хватило духу.

You are free

Эрнест, что называется, умело дирижирует парадом смерти. Это такое себе хобби – нарушать тишину ночи чьим-то пронзительным криком, а потом тихонько посмеиваться, будто ничего не произошло, будто всё так и надо. Просто жертва оказалась слаба и бесполезна.

Порой днём можно услышать, как в уличной драке умирает кто-то из её зачинщиков. Кто-то не Эрнест. А сам длинноволосый собирает трофеи вроде ножей-бабочек, каких-нибудь пневматических пистолетов или прочей понтовой дребедени, которую продаёт по-дешёвке тупой шпане. Нет, его совесть абсолютно не грызёт, ведь он сам когда-то таким был. Не в его правилах воспитывать чужое поколение, когда своё было утеряно ещё лет так двадцать назад.

По утрам, на рассвете особенно, обычно Эрнест сам корит себя за свои грехи, не кается, нет, но корит, оставляя на плечах и спине свежие царапины от собственных когтей – ему тяжело сдержаться, чтобы не окунуться с головой в собственное отчаянье и ненависть, потому что это чувство и движет им – оно даёт ему сил; оно же отбирает у него рассудок.

На закате дня часто не ожидают подвоха. А мужчина, стряхивая кровь с лезвия скальпеля – позычено у брата или Харальда – он точно не помнит, но надо положить на место, пока не заметили – ведёт безразличным взглядом куда-то на горизонт, хотя смотрит куда дальше, намного дальше, так, что аж сам удивляется. Возможно, он видит то, чего не видят другие, возможно то, что не видел когда-то сам. Всё возможно, поэтому он просто зажмуривает глаза.

Среди высоток ползут длинные тени-призраки, и он сам весь такой длинный и нескладный, угловатый, будто подростковое несовершенство ещё не переиграло; он не его брат, нет, он не прячется по углам толпы, он идёт чётко по центру, принимает на себя весь удар кроваво-оранжевого солнца, отбрасывая на земле мрачную сутулую тень. Такой же тёмный призрак его души, которые преследуют Некроманта по жизни – Эрнест научился их не замечать. Он вообще феерически научился игнорировать всё, вплоть до опасности.

В их тандеме брат командир, а он – камикадзе, рвущийся на баррикады просто из-за желания поднять народ. Нередко в мелких бунтах с криками о революции замешан именно длинноволосый анархист. Нередко и лозунги были правильными, и чёрт знает, что вернее – прислушаться или же пройти мимо свободного человека? А свободного от чего?..

Стремление к свободе иссякло, когда Эрнест вдруг понял, что её по факту не существует. Это такая себе обёртка, манящая человека зацикленного или в навязанных рамках поклонятся ей, а, соответственно, и ему, не имеющему ничего общего с социумом и законами. Почему-то людей это так восхищает... Для Эрнеста это было открытие. Осознание. Однако не более чем рычаг манипуляции, хотя смутно он представлял себе правильность жизни в обществе, поэтому старательно избегал его.

Именно поэтому, как в жертву такой невиданной твари как Свобода, периодически он

дирижировал смертью, хотя та и сама знает, что нужно делать.

Как росчерк, взмах палочки, лезвия ножей задают нужный ритм. Сердцу. *Ты ведь воссоздал себе кумира? Хотел быть свободным?*

Именно поэтому Эрнест к утру истерически смеётся, вспарывая себе вены острыми отросшими ногтями – он ненавидит этот мир и себя в нём, ведь, кажется, родился впервые. Не тогда. Не там. А ещё брат со всезнающей рожей говорит верные вещи. И чёрт знает, может и это и так, просто трудно свободному человеку освободиться по-настоящему.

Примечание к части Ахтунг!

Инцест, слэш, R.

Осторожно

Часть 16

- Сколько прошло лет, а ты всё такой же.

Отвечать не хотелось. Эрнест с каменным лицом докуривал дешёвую сигарету, травя всё вокруг никотином. Ему плевать, что кому-то неприятно, он давно настолько конченный ублюдок, что готов продать кого-то в рабство или продаться сам.

- Ты знаешь байку о том, что люди не меняются? - снова говорит Некромант. Его бархатистый голос полная противоположность лязгающему, хриплому голосу Эрнеста, больше похожему на срезет металла.

- Знаю, - и с отвращением сплёвывает себе под ноги в тяжёлых солдатских ботинках.

- А что ты кроме этого ещё знаешь?

- Ты собрался мне морали читать? - вскинулся младший. За все годы поразнь их первая встреча снова приобретала все условия для драки по крайней мере, будто это уже традиция, ритуал, исполняемый каждый грёбанный раз. - Поздно, братец, поздно! Я мразь и подонок, разве не видно? И поздно мне рассказывать о мире и его прелестях, когда я меняю на сотню очередную девку, надо было в далёком детстве меня учить, что унижать людей плохо, а изучение философии мне не пригодится. - Эрнест заткнулся, отдышался, проглатывая ярость. Его неправильная копия совершенно не для этого здесь, он знает, равно как и знает то, что Некромант никогда бы не стал его отчитывать как подростка, просто это единственный человек, способный вызвать в парне всё и сразу, заставить оправдываться даже не задав ни единого вопроса. Эрнест всегда боялся своего брата. - Так что ты от меня хочешь?

- Ты ведь не против продаться, а заодно и получить очень полезную информацию?

- Я не против потрахаться с тобой, если у моего братца ещё не сорвало крышу до такой степени, - Эрнест зло оскалился, диковато взирая на второго разноцветными глазами. - Ну так как? А потом я пойду на дело.

- Я всегда знал, что на тебя можно положиться, - усмехается в ответ Некромант. Эрнест для него слишком психопат, слишком эмоционален, резкий, неожиданный и выпендрёжный, но стоит его зажать между собой и стенкой, как он тут же превращается в шлюховатую тварь, желающую получить душу, ведь он всё делает ради собственного удовольствия.

- Что, не хочется марать свою святость? - Эрнест закуривает уже третью сигарету подряд, давится дымом, кашляет, с остервенением выбрасывает окурки - ему тяжело, страшно находиться рядом с существом, которое читает его и контролирует, заставляет нервничать.

- Именно поэтому мне подходит такая сволочь, как ты.

Эрнест с удовольствием отдаётся чужим; всё равно, что "отдать в хорошие руки". Он скачет на брате без тени стеснения, ведь ходит по улице полуголым, и профессионально раздвигает ноги, когда его опрокидывают на спину. Эрнест никогда не сопротивляется, когда его дерут вдвоём или втроём, только подыгрывает, когда надо. Эрнест настолько порочен, что запросто можно спутать с инкубом, живым олицетворением похоти.

В такие моменты Некромант мог делать с ним всё, что захочет, а хотел он его прямо в собственном джипе, остановившись на краю безлюдного шоссе.

То, что и как умеет его брат, старший близнец просто боготворил, предпочитая платить всё-таки ему, чем элитной шлюхе. И Эрнест с трепетным наслаждением тянет на себя своего "заказчика", устраивая между ног; целует так, будто сейчас откусит кусок губы вместе с языком - агрессивно, с рыком, застрявшим в горле от бешеного ритма. Ещё немного, и он картинно изгибается в чужих руках, и громко, резко орёт, когда его с силой вжимают в обивку сидений.

- Я хочу ещё, - Некромант удовлетворённо наблюдает, как меняется лицо брата, как тот шипит что-то о том, что не расплатится и куда идти. - Именно туда. И иначе.

Эрнест на мгновение непонимающе смотрит, а потом кривится от злости.

- Я тебя прикончу! Я не против быть шлюхой, только шлюхи - общественное достояние!

- Мне нужна не шлюха, а такая мразь, как ты.

Потом они долго курили, пропитывая табачным запахом друг друга. Одежда провонялась как и салон, Некромант часто от этого морщит нос, хотя на самом деле ему плевать, также как и Эрнесту плевать, что кто-то может быть против.

Ещё немного, и закат проглотит первый день лета, а старший брат одет как католический священник - под горло, в чёрном и длинном, пряча узкие руки в широких рукавах. Золотисто-бронзовый итальянский загар Эрнеста говорит об обратном: на нём только крупная сетка, кожаные штаны на шнуровке по бокам и лишь ботинки кажутся единственным завершённым элементом. Некромант рассматривает свою копию, будто прицениваясь.

- Когда я умру, выкинь все мои вещи, - наконец говорит тот после длинной паузы. - И на могилу, если таковая будет, тоже не приходи. Только вспоминай. Иногда. Мне приятно будет.

- Говоришь так, будто уже умер, - фыркает Эрнест, хотя на деле такие мысли посещают его даже чаще, чем сама Смерть. - А как же сказочные "мы умрём в один день" и всё такое? Говорят, близнецы не могут друг без друга.

- Ты думаешь, почему именно тебе я доверил это дело? - старший усмехается. Грустно так, но вызывающе, - Кто-то из нас должен остаться жить.

- Поэтому ты решил впутать меня, не оставив шанса отвертеться? Эдакое испытание на прочность? Ну и мудень же ты.

- И именно поэтому, я и говорю, как умру - выкинь все мои вещи, чтоб глаза не мозолили.

Эрнест долго молчал. Очень долго, что вообще, казалось, ему несвойственно - он всегда создавал впечатление человека-язык-помело, неадекватного панка и в целом шизоидную личность с шизоидным поведением и идеями. На самом деле он всего лишь экстраверт-мизантроп, который качественно и без зазрений совести использует свои таланты. Единственный, кого он боялся - его собственный брат.

- Тогда мои вещи не смей выкидывать, а лучше в музей сдай, их всё равно немного. Хочу, чтобы вы каждый день обо мне вспоминали - я что, зря что ли прославленным ублюдком заделался?

- Мне кажется, ты и во снах кому-то мешаешь жить. Тебе не снится, как ты ловишь детишек вечером во ржи? Не кидаешь их с обрыва?

- Ты опять будешь читать мне морали? - ерепенится Эрнест, хотя сам понимает, что это вообще тупо в данном случае, ведь на него никто не наезжает, а паникует он сам себя. И он даже знает, каков последует ответ.

- Ты же знаешь, что именно твоя детскость мне и нужна? И что смысла говорить об этом, если было оговорено тысячу раз? Твои эмоции - оружие, за логику отвечу я, не беспокойся, ведь тебе лень будет просчитывать самые очевидные варианты?

- Это моё хобби, - пожимает плечами тот.

Они также долго смотрят на потухающее небо, и лишь, когда откровенно стемнело, они обнимаются - совсем по-братски, не нежно, но поддерживающе.

После этого разговора пройдет несколько месяцев, прежде, чем Эрнест поймёт, зачем его послали в ебудали, когда до него дойдут слухи о смерти его брата. Всё-таки Некромант был неправильным святым, ему бы нимб с пентаграммой да пару чёрных крыльев для образа; строгий ошейник с порванной цепью, и трирядье красных бус.

Эрнесту сомнительно подходит терновый венец и оборванная петля с эшафота. Крыльев нет и не было, ибо он умел летать и так. Эти образы он часто потом рисовал на стенах, обрывках бумаг, каких-то документах, а вскоре, утомившись от постоянной тоски, выкинул с обрыва песочные часы - последнюю и самую ценную вещь брата, ещё с детства бывшей

ему эдаким талисманом.

С этих минут Эрнест больше не ловил никого во ржи.

Unknown

- А знаешь, как гасится закат на сильном ветру?..

Эрнест всегда был не таким. Всегда и во всём. Сочинял отважные стихишки о подлости и героизме, в точности повторяя их на деле; был последним, будучи первым. Человек-парадокс.

У близнецов сказки отличаются: Некромант тихо выдыхает пар – чтоб не колыхнулось ничего, кроме воздуха – поднимается на ноги и идёт вдоль шоссе с потрескавшимся асфальтом. Собирает босыми ступнями холодную рассветную росу, пьёт туман; идиллия не нарушается ничем, а гробовая тишина нормальна и естественна, даже птицы не поют. Их здесь нет.

У Эрнеста же всё совсем не так: есть он, есть тоже самое шоссе, вот только не вечный рассвет с призраками мёртвых голосов, а бесплодное, выгоревшее поле с едва синеватой дымкой – свернёшь – не вернёшься.

- Моя сказка о речи, что никто не слышит. О том, что шепчут языками немых, о манускрипте Войнича, что читается очень легко, стоит этого захотеть.

Эрнест со временем перестал рассказывать свои сказки – его брат потерялся среди чужеродной, глухой тишины; остался на мокрой траве у дороги слушать пустую надежду, ведь в том месте нет ничего, даже ветра, а единственное движение – Некромант, отсчитывающий стук своего сердца.

В сказке младшего же нет ничего – наверное, следствие пережитого, потребность как раз в совершенно ином – и это совсем не понимание, иначе он бы остался «по ту сторону» как его копия.

Вдоль шоссе есть посёлки, есть указатели и даже базар, на котором Эрнест часто бывает, но стоит свернуть на пустырь...

На базаре он всех знает. Все эти люди встречались ему на пути, большая часть оставила какой-то предмет на память – специально или случайно, тупо забыв – что теперь хламом валяется в его доме. Именно поэтому Эрнест помнит лица каждого – вот они, все здесь, нет ни одного, чьи черты он не мог разглядеть, но... Помнили бы они его. А если и помнят, то мужчине самому не хочется вспоминать – что было, то было, а понимания так и не появилось во взгляде.

Одиночество в толпе. Как это... знакомо.

Эрнест улыбается уголками рта: дешёвый алкоголь здорово забивает чувство потерянности. Или потери?..

Его сказка не страшная и не плохая, не весёлая, совсем-совсем своя, бесполезная, хотя можно найти – придумать – глубокий смысл. Это его уголок, его край, его реальность – он пришёл оттуда в никуда, в этот мир, где нет ни базара, ни пустыря, а лишь шумные

улицы или пыльные полосы дорог.

На базаре есть единственный человек, который однажды обернулся вслед. Которого Эрнест не знает. Которого нет.

Он сам.

Часть 18

- Велико начинание, да кто поддержит старину Эрни будучи по самые гланды утопленными в собственной беспомощности? Кто скажет, что неправ и посмеет сказать это мне? Мне катастрофически не хватает таких смельчаков, - Эрнест замолкает на время, будто смакуя только что сказанное – взгляд устремляется куда-то вдаль, расфокусировавшись, а сам длинноволосый затягивает повисшую звонкую паузу. – Так вот, - восторженно, наконец, говорит он, - безумие имеет оттенки. На почве стыда, ревности, страха или наоборот – неважно – его насыщенность зависит от глубины переживаемой проблемы. Дикая тоска или безумная радость? М? Яркость одинаковая. Также и с беспомощностью, какой-то замшелой брюзгливостью к каким-либо изменениям самого себя... Вот Вы можете себе представить ковёр? Такой затасканный, стоптанный ковёр с замысловатым повторяющимся рисунком? Вот это и есть общество. Другой ковёр новый, ты там даже ещё не ходил, другой рисунок, но... для тебя ковёр остаётся ковром, вот в чём загвоздка. И так по кругу, до конца, а его нет!.. И ты ломаешь себя ради... ради чего?.. Ты не ломаешься, но ломаешь, а выходит, что только что научился самоненависти – чтобы извести такую гниду с лица Земли. Ты ломаешь себя в надежде не сломаться окончательно, ведь не можешь себе этого позволить – слишком много пройдено, чтобы сдаваться. И так снова по чёртовому кругу!.. – Последние слова мужчина выкрикивает куда-то в сторону, в пустоту, через плечо, не как обычно выплёвывает, а с чувством, с отчаянием. С безнадёгой. И смотрит теперь пронзительно, будто препарирует; взгляд острее скальпеля. – А знаешь, кто сильнее всех, а? – Эрнест говорит это так, словно вызов бросает. А ведь так оно и есть. – Сильнее всех сломанные люди; те, чьи жизни похожи на неправильно сросшийся перелом – по-своему, с ноющей болью, пугающе, системой и силой наружу. Той силой, которая приобретается с потерей чего-то. Такие люди ненормальные; они чужие в этом мире, всегда великие. Знаешь ведь, мы начинаем ползти к своим целям только полностью отчаявшись. Так рождаются те самые прозревшие, просветлённые; катарсис очищает... - Он поджимает сухие губы, снова погружаясь в свои мысли. – Но порой оно порождает таких, как я. Меня находят люди, не столько я их, сколько они меня. Жертва всегда находит своего палача, есть такая закономерность. Но почему-то люди путают тех, кто такой с рождения и тех, кто пережил... да много чего пережил. Я ведь не такой... Не такой же? Или... Да, впрочем, какая уже разница. Единственное, что я знаю точно, так это как мои внуки будут выгрызать себе место под солнцем на одной из моих могил. Либо же даже, если мне повезёт, будут убивать меня раз за разом, чтобы занять моё место. И я этого не хочу, но если так – я сам их так воспитаю – у меня нет родственников по крови, и никогда не будет. Я воспитаю монстров, псин, что ненавидят всё вокруг, но воспитаю так, чтобы невозможно было не восхищаться. Люди ведь так любят драму и каких-то неправильных, совсем-совсем не геройских героев. Придумывать. Знаешь, я знал много птиц с обрезанными крыльями, - уже спокойнее говорит Эрнест, нервно ёрзая на стуле для удобства, - и – представляешь? – ни одна из них и не собиралась летать. Видимо, мы совершенно не понимаем значимость наших возможностей. Понимаешь, я часть потерянного поколения, что живёт вот уже который век – а кажется, будто впервые – без еды, работы, денег... любви. Моя жизнь в моих руках, но почему-то больно полагать, что я выживу только благодаря этому. Мир, что ты делаешь со мной? С нами? Это я хочу спросить у социума, ибо они мастерски ломают чужие судьбы; люди не подозревают, как порождают своих ненавистников. Я часть пропадающего поколения, та его сторона, которая не знает, как правильно, а делает – как научили. Я та грань, что красочно показывает

жестокость и самоубийство. Моя жизнь – доказательство лишь неудачно сложившихся обстоятельств, неудачное рождение, повезло хоть с талантами... И не надо верить, что все люди равны с рождения, что у всех одинаковые таланты, качества!.. Наглая ложь! Кому-то повезло, а кому-то нет и в этом вся фишка. Кто-то бездарность, а кто-то на лету хватается, и этого не изменить, как бонусы в игре, и одинаковый набор у каждого только хромосом. И то исключительно по количеству. Но я изменю сей мир, незримо, потихоньку, меняю всё неудавшееся – такой себе санитар-падальщик. Зато я тот, кто наглядно показывает, как не стоит делать и одновременно пример – как можно, что нет таки пределов свободы. Потому что её нет. Пример такого хамства, от которого все текут. – Эрнест смолкает, будто устал. Прикрывает веки, откидываясь на спинку стула. – Я – пропавшее поколение, и я верю, что не всё ещё потеряно.

Из заметок психолога-криминалиста: *«Не признаётся, но и не отрицает своих поступков. Тонко ведёт диалог, умеет убеждать, полностью погружается в себя в моменты задумчивости. Поведение неадекватное, хотя это можно списать на повышенную эмоциональность. Следует за эмоциями и желаниями, которые могут расходиться с принципами. Отсюда выплывает вторая личность, что свидетельствует о расстройстве личности, повышенной активности, психологических травмах. Признаётся неменяемым, так как проявляются явные садистские наклонности при патологическом мазохизме, невозможность себя контролировать при приступах агрессии, нестабильное состояние»*

Приписка: *«Я не считаю его методы правильными, но... он слишком победно улыбается, глядя на меня»*

Часть 19

Он совсем не помнит, кто и когда привнёс в его жизнь манию дарить подарки на Рождество и Новый год, однако с завидной регулярностью они появлялись на пороге Эрнеста из года в год, отчего, как бы, совесть и не мучила, но раздражало – с хера ли его заваливают незаслуженной байдой?!..

Очередные праздники надвигались на бродягу как лавина чужих эмоций, пока сам Эрнест подавлен настолько, что выть ночами хочется. Да он и так воет – по-волчьи, отчаянно, протяжно. В потолок. А на душе кошки скребут, вот и получается, что душа с телом разрываются на две половинки, абсолютно разные.

Эрнест в апатии. В прострации мотает какую-то дрянь, именуемую новогодней звездой – честно, звездац получается, но ему плевать. Лишь бы заняться чем-то.

Он с Харальдом долгое время отпирался и игнорировал традицию, однако через какое-то время сдался, потому что это лишний повод собраться, да и весело же. Поэтому сейчас, практически на ощупь наматывая слои верёвки на каркас, мужчина вдруг вспоминает, что действительно боится одиночества. Безнадёга полная. А ещё он думает над перегоревшей лампочкой, и что сумерки за окном ни хрена не радуют, и что не ест второй день, и что... Да много чего. Мозги забиваются мелкими мыслями как мошкаррой сетка, ибо фильтровать он умеет.

Эрнест абсолютно не умеет выбирать подарки. Он стопроцентно знает, что понравилось бы Харальду с его младшей сестрой, как удивить Анну и всё в этом духе; замечательно подбирает вещи по цвету, хотя не совсем по полезности; имеет представление о гармонии, но... зачем это всё?.. Но раз уж его друзья этим занимаются...

Поэтому он трясущимися руками, прокляв уже не единожды грёбанную пятиконечную сволоочь, виток за витком доводит её до ума. Это вторая, а значит, скоро мучения подойдут к концу. И он знает, что все трое не любители рукоделия, да и сам бы просто купил что-нибудь, что дарят обычно и всё. Но именно в это Рождество Эрнест хочет вложить в своих подарки свою любовь, признательность, благодарность... каплю ненависти к самому материалу, но это детали. Он знает, что друзья поняли бы его порыв.

Он вспоминает детство: как умиленно улыбались продавцы, когда узнавали от десятилетнего мальчика, что накопленная мелочь уходит на подарок семье. И никто не знал, что семье это не надо.

Эрнест всегда дарил подарки окружающим его родным – брату, за то, что он есть рядом, отцу, за то, что не сдал в детдом, как грозился. Собаке, которая вообще не их, но прибилась и всегда утешала его, плачущего после избиений.

Эрнест отлично помнит, как последний раз дарил отцу такую вот самую звезду – корявую и самодельную – с куском вложенной детской, тогда ещё открытой надежде души. Помнит, как отец ненавидел шум и когда входят без приказа в его кабинет. Как его –

беспомощного и слабого – швыряют лицом в стоящую в углу ёлку с ором, что может сжечь эту хрень вместе с собой, пока отец сам этого не сделал.

Ещё он помнит, как реагировал Некромант – хихикал из-за угла, но всё же подарки принимал, даже изредка благодарил. Советовал прекращать, *а то глупый младший брат опять всё портит.*

И каждый Новый год Эрнест продолжал упорно дарить всем подарки, пусть даже себе в ущерб. Просто та звезда стала погребальной. Тогда у Некроманта сдали нервы, у Эрнеста – почернела душа. С тех пор праздники длинноволосый не любит.

А потом всё было заново.

Эрнест помнит, как уничтожали его подношения, как умилялись продавцы и как ненавидели те, кому предполагались дары. Кого он называл семьёй. И радовалась до последнего только собака, что сдохла на его глаза под колёсами – какая ирония – отцовского Доджа.

Эрнест помнит *всё*.

И когда друзья начали дарить подарки, он принципиально этого не замечал. Только со временем до него дошло, что если они продолжают это действие вне зависимости от реакции, значит, он им и правда дорог. Пришлось отвечать взаимностью – это его единственная настоящая семья.

Поэтому сейчас он крутит уже четвёртую игрушку с мыслью, что это Рождество особенное, ведь самоделы не любит никто, но Эрнест старается. Это важно.

Хочется, чтобы, как обычно, как на День рождения или те же новогодние праздники, с ноги открылась дверь – они знают, что в такое время мужчина всегда дома – и, вытряхивая снег на пол, оставляя грязные следы и волоком притащенную ёлку, на него накинулась с обнимашками Анна, малая сестра, как всегда, начала поздравление с наезда что-то вроде: «Ты какого хрена не весёлый?» - а Харальд поприветствовал скупым кивком. И это было бы идеально.

Но этого не будет.

Всё ведь заново повторяется; не день, но вот год сурка практически – однажды потеряв всё, начинаешь терять это систематически.

Эрнест дрожащими руками доплетает последнюю, пятую звезду – это очень важно. С тоской смотрит в сторону двери – нет, он... да нет, он надеется. Хотя знает.

Всё, к чему он прикасается, с кем находится - всё идёт прахом, разваливается сквозь пальцы пеплом воспоминаний, как семья, как друзья... те, кто больше никогда не придёт. Зыбкое чувство пустоты – холодно, одиноко и до невозможного больно, но уже не резко, нет. Будто осознание, что должно болеть, просто потому что должно, а на деле – нервы отмерли в этом шраме – Эрнест уже ничего не чувствует. Просто это было последней каплей. Вырвали то, что и так было неполноценно.

В дверь стучат.

Эрнест с опаской и какой-то тупой надеждой деревянными ногами идёт открывать. Он не верит. Сбой системы, мозг – 404 not found.

На пороге злой, замёрзший, запыхавшийся почтальон с раздражением вручает подарки и ворчит, мол, понастроили в лесу, хрен доберёшься.

Записки нет, нет ничего. А, нет, есть – всё-таки Эрнесту больно.

Часть 20

Солнечный диск застыл на дымке неба как приклеенный вот уже пять часов кряду. Механическое сердце отстучало около двадцати четырёх тысяч раз, прежде чем что-то изменилось вокруг: подул искусственный ветер; шелест пластмассовой травы; синтетическим запахом придорожных закусок. Даже собственные лёгкие улавливают что-то родное в поддельности мира.

Эрнест не спится – да какой там спать, когда с одной стороны повисло гробовое молчание городов, а с другой палит бесконечное солнце? Солнце ли? Он не уверен.

Им рассказывают о великой войне на уроках истории – буквально впаивают информацию об этом в ещё неокрепший мозг – о том, как Земля пережила глобальное опустошение, о том, как люди, придя к общему знаменателю, единогласно стали восстанавливать всё по новой – ведь надо же где-то жить? – в наглую и очень бестолково умалчивая подробности об Опустошении. Почему-то всем кажется, что ни у кого нет вопросов по этому поводу, хотя на деле каждый второй об этом думает... Им втирают, что Земля жива – вон же Солнце! – что планета восстановлена едва на треть за счёт развитых городов, однако Эрнест не верит этому, упорно считая, что они даже не земляне уже. Люди, но не земляне.

Эрнест смотрит на горизонт – сотый этаж, а под низом пустота, утопающая в пыли нижних технически-обслуживающихся уровней, где, как утверждают, никто нормальный кроме насекомых не живёт.

Эрнест смотрит и видит человека, там, за, казалось, бесконечной, а по факту – заканчивающейся километрах в десяти – материей этакого купола, служившего атмосферой и поводом для романов давних-давних фантастов.

Человек смотрит в ответ всегда, будто знает, что его кто-то замечает; всегда машет рукой. Странный малый. Эрнест не понимает, как можно дышать по ту сторону.

Эрнест никогда не выходил за пределы города, даже на самый край, но ради того, чтобы дотронуться ладонями к шершавым рукам незнакомца согласен на риск. А тот тянет за собой – ненавязчиво, легонько, будто манит – отступает на шаг от разделяющей их водянистой перегородки; улыбается – уголками рта с болячками, а глаза холодные, жестокие. Эрнест и Незнакомец как две капли, вот прямо не отличить, разве только у первого глаза разноцветные, а так... Эрнесту слишком любопытно, чтобы обращать внимание на страх, дрожащий под коленями.

Мир по ту сторону... не такой. Совсем не тот, каким его преподносили и как вообще представлял сам Эрнест. Сложно сказать, чему больше он удивился: тому, что не было никаких следов апокалипсиса или же с невесёлым ликованием тому, как здорово продвинулась наука.

Город вокруг отличался: нет роботов, нет гигантских «умных» небоскрёбов, нет ничего вообще, только есть люди, машины, электричество... которое, по рассказам Знатоков, убрали из использования уже почти век. И Эрнест задыхается от всего этого: не

понимает, даже не верит как-то... Он знал, что всё вокруг – обман, но...

Незнакомец улыбается. А второй начинает реально задыхаться: воздух воняет не засоренными фильтрами, а песчаными барханами, озоном, удушливым знойным днём, расплавленным асфальтом, неизвестного происхождения едкий запах клея, дыма, свежих булочек и ещё много чем, отчего Эрнест с упоением и ужасом думает, что как-то так и должна пахнуть свобода. Как-то так, по-настоящему, живо. Что искусственный мир лишь... эксперимент?

Незнакомец кивает его догадке. Перед глазами плывёт, механическое сердце пропускает пару ударов, сбиваясь с ритма, а полнота запахов будто разъедает лёгкие изнутри.

Эрнест умирает. Так вот чем он должен был расплатиться за правду.... И, кажется, он даже счастлив.

Часть 21

Стайка мелких шкетов в спортивных костюмах матерятся и, опасливо озираясь, что-то химичат. Будущая гопота, рекетиры, возможно, кто поумнее — братки и остальные модные слова.

Эрнест меланхолично смотрит на детей, затягиваясь — как же всё серо: мир серый, люди серые, он серый. Даже его яркости не хватает, чтобы хоть немного осветить пространство вокруг. Он слишком мал для таких масштабов разрухи и якобы освобождения. Променять на свободу правду... так умеет только коллективный разум. И почему никто никогда не задумывается, что нищета, беззащитность и свобода — синонимы? Неважно, бежишь ты из плена или уходишь в свободное плаванье на обустроенном катере — ты всё равно оказываешься бос и сер — такой себе одинокий островок, до которого никому нет дела.

Мелкие пацаны, пошушукавшись, сделали важные, безразличные лица и, собравшись с духом, кучкой подошли к Эрнесту.

— Дядь, дай сигарету?

Тот только скосил на них глаза — сразу заметно, с каким неподдельным, жадным интересом те впитывают особенности его внешности. Видимо, запоминают образ, хотя он бы не советовал им так одеваться — обыватели не признают таких, а особо одарённые называют педиками и лезут в драку.

— А они настоящие?

Это малышня про волосы. Никто сразу не верит, что пепельная грива до колен не крашенная, не парик, издевательство над собой. Не протест. Хотя нет, с последним Эрнест согласен. Он протестует против обыденности.

Загребущие грязные ручонки уже тянутся потрогать длинные пряди, отчего приходится шикнуть на оборвышей.

— Дядь, так дашь сигарету?

Мужчина задумчиво затягивается, боковым зрением наблюдая, как заворожено следят за его движениями, лезет в карман длиннополого плаща и достаёт несколько мятых купюр.

— Дам денег.

Глаза у парней загорелись, но тут же кто-то удручённо вякает:

— Но нам же не продадут...

— Это мои проблемы? — Наверное, когда Эрнест задумчивый, вокруг него прямо аура

опасности, раз абсолютно все, даже не зная его, обходят стороной, настороженно косясь. Шпана же, самая пугливая, отступает ещё на шаг.

— Мы... должны что-то сделать?

Умный мальчик. Мужчина усмехается, затягивается последний раз и отдаёт непотушенный окурок толпе, тут же отвалившейся наполовину за угол. Самый умный, который говорил, он же и самый наглый, почему-то никуда не двинулся, ждал.

— Вот теперь мы можем разговаривать, — наконец отмер Эрнест, встрепенулся, и яркая натура словно окрасила всё вокруг него на несколько метров — будто зажглась лампочка. — Меня Эрни зовут. — И протягивает руку. Парень недоверчиво смотрит на ладонь — видимо, его смущают отросшие острые ногти на длинных пальцах. — Ну ты же должен знать имя своего заказчика.

— Максим, — хватается за узкую ладонь парнишка, ощущая себя особенно взрослым.

Потом длинноволосый показывает фото, поручает узнать, где живёт этот человек и никому не рассказывать об их сделке. Платит треть — этого хватит, чтобы неделю у мамы деньги не просить.

После этого Максима посылают проследить машину по номерам — во сколько отъезжает, когда приезжает, как часто, повторяется ли этот график. И Максим чувствует себя настоящим шпионом, только краем сознания понимая, что ввязался во что-то плохое, что этот странный человек вряд ли подарки тем людям разносит. Но Эрнест же такой обаятельный, общительный, смешной... Активный. Максим не заметил, как сблизился с мужчиной — тот много раз давал несложные задания, а потом рассказывал парнишке о других странах, о разных людях, о том, как он путешествовал без денег и в одиночку, как цеплялся к компаниям разного рода хиппи, фугрончиками бороздящие просторы, едущие неизвестно куда, неизвестно зачем; рассказывал об интересных штуковинах, которые можно замутить и дома, о физике, химии, медицине; рассказывал обо всём, чего не расскажут по телевизору или не научат в школе, которая успешно прогуливалась.

Максим слушал с открытым ртом, допоздна засиживался с новым знакомым на их условном месте — на крыше многоэтажки, откуда было видно весь двор, несколько улиц и бескрайний серый горизонт.

Максиму исполнилось тринадцать, и Эрнест его поздравил, чего не сделали половина из его друзей. Почему-то нарастала какая-то обида на сверстников — вот они недавно привязывали собакам на хвосты банки и гоняли по кругу, а теперь они кажутся какими-то необразованными и глупыми, совсем детьми без интересов и поиска. С Эрнестом же интересно, с ним комфортно, с ним... круто!

Отрыв от своих одноклассников стал слишком велик, поэтому парень, не совладав с эмоциями, рассорился со всеми, из-за чего его, объединившись с группкой враждующего района на короткое время, поймав в переулке вечером, здорово отметелили. Особенно было обидно, что бывшие союзники пригласили Лёху — шестнадцатилетнего бугая, которого Максим ненавидел всей душой — тот не скупился на удары.

Почему-то единственное утешение Максим нашёл именно в Эрнесте. Не в родителях, не в одиночестве, нет — именно в странном длинноволосом мужчине, что всегда сидел на крыше дома как огромный ворон, и наблюдал за всем свысока.

Парнишка, весь в слезах и соплях, немного успокоившись, еле вскарабкался на условное место и, вопреки ожиданиям, всё-таки увидел своего... друга? Может ли он называть его другом?

— Ты всё видел? — удивлённо спрашивает мальчик, и, дождавшись кивка, насупился, с плохо скрываемой обидой спрашивает. — А почему тогда не помог?

— Это был твой бой, — пожимает плечами Эрнест и улыбается — он всегда улыбается, даже если ему плохо. Никогда не показывает слабости и даже доказывает, что улыбка действительно разоружает оппонента. Трудно сказать, кто он в глазах мальчишки: пример, что улыбка и правда великое оружие или же непостижимый идеал? — Чего я буду вмешиваться в твои дела, ты же не звал.

— А ты бы пришёл? — голос после рыданий ещё подрагивает; Максим недоверчиво смотрит на неформала.

— Зависит от тебя. Я же уже говорил, что можешь просить меня о чём-либо, если хочешь. Что ты хочешь сейчас, например?

Глаза Максима снова наполняются злыми слезами.

— Хочу убить Лёху. — Твёрдо заявляет тот, как точку поставил.

Эрнест улыбается — тепло, как-то по-отечески, именно то, чего Максиму не хватало с детства — поддержки вечно пьющего бати. Он мягко притягивает снова зашмыгавшего носом парня, приобнимая. Тот обнимает его за длинную шею — теперь Максим, пожалуй, один из единственных, кто имеет права прикасаться к серым жёстким волосам. Вообще, вопреки ожиданиям, они на ощупь больше напоминают конскую гриву или тонкую леску, однако крепкие и очень эффектные, забавно торчащие в разные стороны, придавая образу какой-то свой, расхлябанный шарм.

— Ты хочешь убить Лёху или хочешь, чтобы он умер? — тихо уточняет мужчина.

— Я хочу, чтобы его не было! — в сердцах выпаливает парень, решительно заглядывая Эрнесту в такие удивительные, разноцветные глаза.

— Я могу помочь, — заговорщицки улыбается длинноволосый, — только попроси. Я ничего не буду делать, пока меня не попросят.

Максим смотрит в ответ и, кажется, внутренне сияет — он только что обрёл своего собственного защитника; покровителя и бога, такую себе волшебную палочку, которая не способна колдовать, но знает и умеет всё, достаточно захотеть и сказать об этом.

— Ты можешь сделать так, чтобы Лёхи не было? — мямлит мальчик, и розовый угасающий закат оттеняет бледное лицо напротив, окрашивая очень красиво и особенно таинственно, будто тот и вправду всемогущий личный бог.

— Прости, я не умею отматывать время назад и не давать кому-то рождаться, — пожимает плечами тот и улыбка его становится ещё доверительнее; в глазах мелькает коварство. — Но ты можешь сформулировать это иначе. Только имей ввиду — ты сам несёшь ответственность за свои желания. Я лишь инструмент в твоих руках.

Максим сглатывает. Он вспоминает всё зло, что ему наделал Лёха — ещё с самого-самого раннего детства он не давал ему покоя, прямо-таки жить не давал. Да ещё и учатся они в одной школе...

— Ты можешь... — парень нервно прикидывает, стоят ли те унижения таких жертв. А ещё боится озвучивать — ему и самому страшно становится от собственных мыслей — свои желания. — Убить его?

И зажмуривается, с надеждой думая, что его не отвергнут, не наругают, не обзовут сумасшедшим и не прогонят.

— Могу, — всего лишь отвечает Эрнест, и в тоне его нет ни малейшего намёка на осуждение. — Ты окончательно решил, ты действительно этого хочешь? Учти, как только скажешь «да», отменить сделку не получится.

Максим судорожно кивает. Соглашаясь непонятно с чем больше — условиями или своими словами.

А на следующий день весь двор заговорил о Лёше из пятого, которого сбила машина. Виновника нашли сразу — местный браток нёсся пьяным по улице, благо, милиция была рядом. А Лёша сам виноват — побежал зачем-то на дорогу не глядя.

— Это правда, ты его? — Максиму страшно — неужели Эрнест настоящий бог, умеющий убивать на расстоянии? Может, он и колдовать умеет? Мальчишка чувствует себя посвящённым.

— О методах же мы не договаривались, верно? — и снова эта располагающая улыбка.

А дальше мужчина рассказывал о брате, чего не делал эти... месяц? Два? Сколько они знакомы? Максим уже потерялся во времени — с Эрнестом оно не-су-ще-ству-ет.

Ему доверяют тайну — думает подросток, и жадно впитывает каждое слово, ведь о его боге он ничего не знает: ни фамилию, ни где живёт, ни о семье его, даже откуда он родом. Вообще. Ноль. И теперь оказывается, у того есть старший брат — такой же красивый, высокий, странный. Только молчаливый, ещё более загадочный и не любящий людей.

Максим с благоговением следит за каждым движением Эрнеста: как он жестикулирует, впитывает его скачущие интонации, даже скрежещущий голос не кажется, противным, а наоборот; как он затягивается дымом, как изящно откидывает голову назад, скинув

длинные волосы на грязную крышу. Мальчику хочется подобрать пряди, что он и делает — не хочется пачкать. Эрнест на это только заразно смеётся, повизгивая, а потом треплет своего идолопоклонника по растрёпанной макушке, надевая обратно кепку козырьком назад.

Эрнесту не холодно, в то время, как Максим мёрзнет — вечера стали короткими, сырыми, отвратительно-промозглыми; Максим хотел, но не мог надолго засиживаться на крыше и, вопреки ожиданиям совета, типа, отпрашиваться у родителей подольше погулять, мужчина его отпускал барским жестом, просто махнув рукой. Отсюда возникала навязчивая мысль — так ли интересно ему с парнем? Или Эрнесту настолько скучно, что он нашёл себе занятие объяснять малым какие-то житейские штуки? Нет, философия этого странного человека выходила далеко за рамки житейских проблем, хотя и была вполне применима в реальности, и с этим Максим столкнулся, когда как-то попытался заговорить о подобном с мамой — он остался непонятым, а ещё «где ты набрался таких мыслей? Так не бывает, жизнь намного сложнее» или «Я тоже когда-то думала, что особенная, а потом оказалось, что как все». И с недавних пор Максима не устраивало такое нежелание смотреть иначе.

— Видишь ли, — выпуская дым, говорит Эрнест, и в этот момент он кажется мальчишке великим мудрым мыслителем, смотрящим на мир с высоты своего трона, — людям это свойственно — не замечать элементарных вещей. А ещё людей портит лень. Да и безнаказанность. Скажи, что это такое?

Максим смотрит на своего гуру с непониманием: во-первых, тот в основном что-то увлечённо рассказывал, много болтал не по делу, скакал с темы на тему, да и в целом редко спрашивал, о чём пришедший хочет услышать — просто говорил, что хотел, а вот вопросы задавал только тогда, когда желает, чтобы информация усвоилась. Во-вторых, в самом слове «безнаказанность» есть всё необходимое для расшифровки.

— Это самое шикарное и самое страшное чувство, — мечтательно говорит мужчина. — И, знаешь что? Это тебе проверка. — И после паузы, насмешливо глядя на застывшего мальчишку, продолжает. — Ты убил человека, Максимка! Такой малой, а уже убийца! Теперь живи с этим. Об этом никто не узнает, никто на тебя и не подумает — ты остаёшься *безнаказанным* — но всё это будет лежать на твоём сердце бременем и никакая исповедь тебе не поможет. Ты лишил человека жизни просто из-за детских обид, а ведь он мог стать великим, он бы, ещё бы с годик, и каялся, что издевался над тобой. Возможно, вы бы стали отличными друзьями. Когда умирает человек, ему-то всё равно, а страдают другие, понимаешь? Ты обрёл на страдания целую семью! Нет-нет, чего ты плачешь? Это же тебя не должно волновать! — Эрнест вещает восхищённо, совсем ненормально, будто бы даже гордится таким поступком; обнимает мальчика, улыбаясь, и улыбка эта пугает теперь. Наверняка он убивает с такой же. — Боги жестоки, знаешь ли. Я ведь не зря рассказывал тебе о них. Я не бог справедливости, я бог боли, если уже поправлять в твоих глазах; я не плохой и не хороший, я всего лишь игрок, играющий в шахматы вами. М-м-м, да мне было скучно. С этого момента я уйду из твоей жизни навсегда, — он наставительно поднимает указательный палец, призывая молчать, ведь Максим уже в отчаянии открыл, было, рот, — я дал тебе достаточно сведений и мире, достаточно раскрыл горизонты, но ты слишком мал, чтобы идти со мной, поэтому дальше развивайся сам. Боюсь, что если дальше будешь меня узнавать, то либо сойдёшь с ума, либо станешь очень плохим человеком. Очень плохим. Я не хочу сильно

ломать твою жизнь, поэтому я одинок. Но спасибо, что понял меня — дети намного проще воспринимают всё это, ведь вы уникальны. Это потом вы пытаетесь стать обычными. Зачем-то... Ну, бывай, Максимка, рад был познакомиться! И да... если хочешь чего-то — только проси меня, сам я лезть не буду.

Тогда Максим понял, что натворил, что его бог далеко не великодушен и добр, однако со временем до него дошло, за что его благодарили — парень умеет развиваться, парень умеет понимать. Да и не богом был тот человек, хотя кем-то вроде него.

Наверное, только благодаря Эрнесту Максим вырос будущим профессором. Он так думал до определённого момента, пока не нашёл под своей дверью письмо с кривым, скачущим почерком.

«Нет, твои мозги это только твои мозги, — гласили буквы без предисловия или начала, — и они лишь посчитали нужным воспользоваться моим рассказом. Ты сам достиг своих высот, Максимка! Вот если бы ты пошёл за мной, то я бы мог и забрать всё это у тебя точно также, как и дал. Да и сейчас могу, собственно, но не хочу — я секту свою открою, юху! Но всё это я к тому, что я по прежнему слежу за тобой — кто знает, с крыши ли, с тучи, с неба — ты развивайся, я, может, полью тебя удобрениями знаний. Ах да, как совесть? Не мучает за Лёху? Ну смотри, хехе. Больше ничего не хочешь?»

Welcome to the new age

Расшатав ногой торчащий из кучи барахла железный штырь, Эрнест спрыгивает на землю, отряхиваясь — такие себе гротескные горы из мусора никогда не были настолько пыльными — городская свалка породила целое поколение диких людей, когда-то бывших членами отвергшего их общества. Теперь же этот пейзаж мог перекрыть разве что дымящие заводы на горизонте, буквально недалеко, ведь горизонт здесь — пара километров, и всё. Это всё, что можно разглядеть в рыжем смоге.

Парень поправляет респиратор — яркий и вызывающий, ядовитых оранжево-зелёного цветов, таких же токсичных, как и отходы, сливающиеся в мутную разноцветную речку, как и воздух тут, как и помыслы со словами, как и дерзкий взгляд разноцветных глаз.

Всё тут какое-то неправильное: рыжая пустыня, рыжий ветер, зато дожди здесь особенные — иногда даже светящиеся ночью. И солнца почти нет. А если есть — то, почему весь ландшафт именно выжженная потрескавшаяся земля вперемешку с рыжим песком и глиной. А Эрнест — вот так ублюдок — яркий и самодовольный, в маскировочных зелёных штанах, в потёртой куртке с кучей пёстрых значков, с крашенными радужными волосами, вызывающим макияжем — если уж выделяться, так полностью, правильно? И только обломанные ногти чёрные, под ботинки. Даже очки у него, убирающие с лица длинные волосы, необычные.

Брат стоит на краю обрыва, вглядывается вдаль: оттуда лучше всего видно трубы со всеми закопченными коммуникациями — заводы рабочие чисто из-за потребности хоть в каком-то комфорте вроде света «по часам», воды раз в пару дней и так далее. Вообще, довольно страшно представлять, что эти ревушие изношенными механизмами махины производят жизненно важные вещи. Собственно, вода так соответствующая — вонючая и ржавая, иногда тёмная от попавших туда каких-то элементов.

И, странно, наверное, сравнивать, — думает Эрнест, — обычно мир считают серым — он в книжках читал. Мол, серые улицы, серое небо... Здесь же всё такое разнообразное: то тебе дожди из химикатов, то тебе бури с запахом гари... Но, конечно же, здесь преобладает рыжий, ржавый цвет. И, пожалуй, Эрнеста не зря считают чокнутым, раз он ему до сих пор нравится.

Некромант оборачивается на брата — лицо скрыто широким поднятым воротником и шарфом, а глаза еле видно в глубокой тени от чёлки. Вообще, у него татуировки по всему телу, даже на шее, а на губах и языке — пирсинг, но Некромант это тщательно скрывает, когда подходит к новой территории. Не боится, исключительно осторожность.

Они бы могли перекинуться парой фраз, но говорить не о чем; Эрнест усмехается, хотя близнец об этом догадывается чисто интуитивно, по насмешливому, горящему взгляду.

— Можешь идти, — читается в азартно блестящих разноцветных глазах.

— Я слежу за тобой, — Некромант смотрит холодно, внимательно, будто препарирует.

Младший пожимает плечами, разворачивается, идёт было прямо, а потом резко сворачивает, узрев кое-что интересное: целые ряды разбитой техники его мало интересуют, даже стоящие в ряд непогибшие, недобитые танки, даже мятые, покрытые ржавчиной машины с разбитыми стёклами, даже поломанные газонокосилки — почти сухое, кривое, с перекрученным стволом приземистое дерево акации, что так идеально и ненормально выросло посреди этого хаоса. Эрнест с неподдельным восхищением тарашится на чудо ещё живой природы; тянется рукой, чтобы прикоснуться, но даже как-то не осмеливается этого сделать, будто боится, что растение рассыплется под пальцами, исчезнет или просто умрёт.

Радиация не тронула этот клочок суши — цивилизацией это уже трудно назвать.

Парень знает, что долго они не протянут; знает, как это медленно умирать, выплёвывая свои лёгкие, сдирая обожженную кожу... Он знает, как и другие такие же, как снова возродить всё, знает, как уничтожить дотла. Он знает всё. Поэтому, ухмыляясь, размашисто пишет куском арматурины R.I.P. mother Earth по песку.

— Welcome to the new age.

Он с безумной радостью дышит грязным воздухом, забывая лёгкие, сорвав респиратор; он сидит на горе мусора такой себе Король и Бог свалки, этого места в целом, и только гудящие заводы салютуют ему смогом ядовитых газов. Вечный ветер швыряет рыжий песок, но нет, ему так просто не похоронить Бога. По крайней мере, так хотелось верить.

Эрнест глотает пыль, задыхаясь от переизбытка чувств, или это просто ему дышать тяжело?..

Некромант смотрит на него до тех пор, пока младший не слабеет на глазах, и не скатывается по бараклу с диким, отчаянным хохотом.

— Надень намордник, тебе идёт — твой оскал хотя бы не видно.

— Да пошёл ты, — смеётся Эрнест, вглядываясь в — удивительно — серое небо.

Наверное, — думает он, — надо почаще смотреть вверх, оттуда когда-то тоже сыпались разноцветные звёзды.

Часть 25

Некромант был идеальным братом — Эрнест в это свято верил. И сейчас верит.

Его брат всегда говорил правильные, пусть и страшные вещи, и это было аксиомой — так считал младший. Если уж говорили, что это плохо закончится, значит, так и будет, и совсем не потому, что какая-либо затея Эрнеста была опасна сама по себе. Нет. Просто если Некромант хотел уберечь нерадивого близнеца от напастей, то едва ли не привязывал к себе, таскаясь вместе с ним. А если тот ослушался и всё-таки полез в сдоё дело — наказывал. И Эрнест тоже считал это справедливым — предупреждали же.

Если Некроманту что-то не нравилось — курево, например — он, нет, не отучал брата от вредных привычек, просто тушил сигареты об него, обзывая дешёвый табак вонищей. И Эрнест понимал, что курить нужно что-то менее вредящее здоровью — то, что об него не потушат.

Старший брат бил младшего до полусмерти, выражая свою заботу и желание научить защищаться. Это тоже воспринималось как должное.

— Он придёт, — с усмешкой говорил Эрнест, сидя в плену, как залог. Он жертва, вечная жертва, в которой воспитывали жажду обнажать клыки. Вот только это уже не он будет. — Он ведь идеальный.

А потом его били ногами. И только когда Некромант являлся и тупо всех расстреливал, младший близнец восхищался им, ведь сам он, по-видимому, ничего не может.

— Умри уже, — холодно цедит старший, наступая на чужое горло. — Как ты меня заебал.

Эрнест плачет, задыхается, и, кажется, даже если бы мог, то не сказал бы и слова против, но именно сейчас его бросают на произвол судьбы, выкидывают, как надоевшую игрушку, и он чувствует, как кто-то невидимый — кто-то, кто жил в нём до этого, постоянно наблюдал со стороны — истерично смеётся, корчась по полу. Не он, кто-то другой. Однако почему-то больно ему.

После жестокой драки, Некромант удивлённо признаёт в нём Эрнеста. Не его, а Эрнеста. И младший сам запутался, кто есть кто.

Так и жили. То Эрнест, то он. А брат по прежнему идеален — убил, уничтожил всё, что было дорого, чтобы второй не привязывался ни к чему. Эрнесту это нравилось, Эрнест мазохист, Эрнест готов убить любого и убиться сам.

И, почему-то, удивляя всех, появляется кто-то вообще левый, но умный, и голосом Эрнеста говорил странные речи. Брат тогда признал в нём кого-то третьего, чьё имя не знает никто, да и тот молчит — загадочный такой, спокойный, рассудительный. Немного провокационный, но, скорее, игривый, только не как кошка, а как паук, что создаётся ощущение незримой паутины, в которую ты уже вляпался.

Эрнест белый, как смерть, хотя брат ещё белее и страшнее, а вместе они как Вестники

Апокалипсиса.

— Я люблю тебя, брат, — говорит Эрнест, который первый. А второй с оскалом добавляет. — Равно как и ненавижу.

Некромант оценивающе смотрит на него, прикуривая дешёвую сигарету, от запаха которых его всегда воротило и которыми прожигает лёгкие, вопреки всему, Эрнест.

— А я наконец-то признал в тебе человека.

— Ты идеален, брат.

— Теперь ты тоже.

Часть 26

У Эрнеста очередной приступ непонятно чего – то ли выть хочется, на стенку дрыпаться, то ли курить. Ему невыносимо больно, и боль эта рвётся изнутри, а он раздирает кожу снаружи – чтоб быстрее было, чтоб с двух сторон, а то что та сука только на душе шрамы оставляет, а?

Он долго играет лезвием, пока случайно не режется – по привычке, поперёк вен, и это не он делает вовсе, и всё сознание разделяется, дробится на мелкие осколки: кто-то сейчас физически ничего не чувствует, только наблюдает за кривыми дорожками, зато кто-то другой содрогается от неё – это ещё один удар по нему. Кому-то плевать. Причём почему-то в такие моменты все вместе присутствуют в сознании, и Эрнесту кажется иногда, что он может их даже видеть. А вот и снова галлюцинации – ну, здравствуйте.

Сейчас ему в шею шипят что-то глубоко нецензурное, напоминают об умственных способностях, о дегенеративности его образа жизни, да и в целом поливают последними выражениями, а он лежит, как дурак, в позе распятого на асфальте Иисуса с нарисованным крестом, и смеяться хочется, а сил уже больше нет. Эрнесту перебинтовывают раны – он даже не сопротивляется – а что поделаешь, когда жить хочется? Он это уже N-й раз доказывает, а никто не верит, и приходится по новой всё. Замкнутый порочный круг, ей-богу.

- А давай с крыши сиганём, а? – как-то спрашивает он девчонку белобрысую.

- Какого чёрта, суицидник-рецидивист? – Ася уже готова к чему угодно – она плохо подходит на роль спасителя. Нет, ей не плевать, просто тяжело на своём настаивать, когда заранее знаешь, что всё равно никто не слушает. – Не тяни меня за собой.

- Но это же так красиво – падать вместе и размазываться по дороге.

- Ты сколько так прожил вообще, будто сохранился в прошлой жизни?

- М-м-м, честно? Не помню, но все предыдущие как-то одинаково заканчивались – я всё равно умирал, так, а смысл тогда?

Его сейчас на какие-то подвиги тянет непонятные, хотя вроде бы не пил ничего, да и в целом не принимал. Хочется... летать, что ли?

Эрнест копается в кармане, вытаскивая мятые купюры и пару монет. До билета на самолёт нескольких тысяч всего не хватает, а так можно было бы, хорошая идея, надо запомнить.

Ему что-то вторят в голове – он косится, боковым зрением замечая свою копию, и совсем непонятно, это он же, или брат. Собственно, и причина нелюбви к зеркалам – вечно всякая дрянь кажется, а креститься он не желает принципиально.

- Ну, давай, герой, - насмехается второй, - сделай какую-то глупость, уже час ничего подобного не делал.

- Да, пожалуй, - соглашается Эрнест. И закуривает.

Часть 27

— А я хотел бы умереть в свой День рождения, — мечтательно проговаривает Эрнест, умиротворённо затягиваясь, глядя на мир с высоты балкона американского небоскрёба. Занесло его с кучей денег в Нью-Йорк, что поделать. — Знаешь, чтоб эпично было, чтоб в новостях написали.

Коридорный-или-как-его-там молча стоит с деланной учтивой улыбкой — нихрена не понимает по-русски, только ждёт. А Эрнест продолжает свой воодушевлённый монолог:

— Или вот с крыши сигануть. Уверен, такое тут часто, но я всегда летать умел — вниз только, правда, однако этим же надо пользоваться! Ты бы хотел умереть красиво? — и встретившись с вопросительным взглядом негра — афроамериканца, что же это он так некультурно — вздыхает, опасно опираясь спиной на низкий бортик балкона. — Хорошо, наверное, что не понимаешь, иначе платить бы пришлось.

Парень вообще сам не понимает, чего это его так на философию суицида потянуло — просто нравится рассуждать, представлять себе всё в подробностях. Он не понимает, почему люди так боятся и не осуждает, однако бесится, когда начинают осуждать его — да вам какое дело?

Он жестом отправляет обслугу к выходу, а сам снова разворачивается к миру: идеальное место, чтобы умереть. Даже день хороший.

— Надо будет запомнить, чтобы в денрик уйти, — ухмыляется Эрнест, потому что дату рождения он всегда забывает, а думает об этом всегда на следующие сутки после поздравлений. И так каждый год кряду.

not today

Эрнест лежит и ждёт, когда начнут неметь конечности от неподвижного положения. Боли он не чувствует уже давно, правой руки тоже; ждёт, когда ткани начнут отекать, отмирать; когда тело начнёт покрываться трупными пятнами — сначала по отлёжанным местам, потом пойдёт дальше. Как вены будут темнеть, кровь замедляться — и плевать, что для трупных пятен он должен быть трупом минимум пару дней.

Эрнест лежит и представляет, какого это: сквозь тебя прорастают цветы и трава — прямо как в песне Цоя — Эрнест не сильно любит Цоя, но в чём-то тот был прав; как на коже появляется мох от сырости, а в воздухе воняет сладковатым запахом тления, ведь поначалу тут было сухо и пыльно.

У японцев есть такая болезнь, как ханахаки — когда в лёгких прорастают цветы от неразделённой любви, и человек, если ему не ответят, скончается, задохнувшись чёртовыми лепестками. Парень не знает, что такое это эфемерное «любовь», однако отлично представляет, как бы это было по ощущениям: у него бы был какой-то микс, целый букет, и розы там по любому были бы. Как венок Иисуса, только изнутри, сквозь грудную клетку.

Эрнест лежит на полу в позе морской звезды и ему начинает казаться, что он уже чувствует червей в мясе. Как те копошатся, лазят — жирные и белые, мерзкие, упругие — он любил их с каким-то непонятным маниакальным желанием давить.

Ему нравится представлять, как он разлагается — теперь уже физически. Морально он, кажется, с детства мёртв. А брат иронично Некромант.

Он пытается ощутить, что значит смешаться с землёй, и ему это почти удаётся, если бы не так некстати звонок мобильного, заставивший резко подорваться.

— Алло?

— Ты отошёл пописать и пропал на двадцать минут, — злой голос Аси потрескивает в трубке из-за плохой связи. — Нам как бы ехать надо.

— Я нашёл интересное местечко и заблудился, — прикинулся дурачком Эрнест, хотя стопроцентно знает, что ему никто не поверит, «но сказать же что-то надо».

— Пять минут или ты идёшь пешком. — И короткие гудки.

— Что ж, — он с улыбкой оглядывает подвал заброшенного здания, — не в этот раз.

И, по традиции, уходя, показывает руинам средний палец с вытатуированным «not today».